В. Гольцев.

Государство
самоуправление

1882 г.

S 109/55

XVIII 1
81

ГОСУДАРСТВО И САМОУПРАВЛЕНІЕ.

S 109
55

ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

В. А. Гольцева.

БИБЛІОТЕКА
М. П. М.
проф. КАРЫШЕВА

МОСКВА.
Типо-литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская улица, д. Кушнеревой.
1882.

Государство и самоуправленіе.

(ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.)

«Ich werde glauben, nichtumsonst gelebt zu haben, wenn mir gelingt, auch nur Einen oder Zwei für Freicheit und Recht zu erwärmen, oder in der von selbst dahin genommenen Richtung zu bekräftigen».

Rotteck.

Въ тяжелое время, нами переживаемое, съ особенною ясностію выступаютъ экономическіе вопросы, требуя неотложнаго рѣшенія. Очевидность народной нужды возбуждаетъ долго дремавшее чувство справедливости и подсказываетъ требованіе коренныхъ преобразованій въ строѣ народнаго хозяйства. Въ ширь и въ глубь развивающееся изученіе народнаго быта проясняетъ общественное самосознаніе, а земское начальное училище будитъ это самосознаніе въ русскомъ крестьянствѣ. Но много времени пропало даромъ, и весьма понятная тревога за ближайшее будущее охватываетъ образованнаго человѣка.

Вторая половина нашего вѣка отличается, какъ извѣстно, весьма положительнымъ направленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ области общественныхъ наукъ историко-сравнительный и статистическій пріемы изученія почти изгнали теоретическую работу мысли, и факты начали побѣждать ученаго, который не въ состояніи овладѣть ими, охватить ихъ идеею и идти дальше, при свѣтѣ этой идеи. На отвлеченную мысль наброшена сильная тѣнь [illegible] разахъ многихъ она является синонимомъ произвольныхъ [illegible]тьдовъ или пустой игрою ума. Мнѣ приходилось уже высказывать въ печати, что такое направленіе отличается вредною односторонностью. «Наука не должна быть глуха къ запросамъ жизни. Многоразличные идеалы общежитія, горячо защищаемые

и оспариваемые принципы политическаго устройства,—говорилъ я въ одной изъ своихъ статей,—должны быть подвергнуты оцѣнкѣ, свѣрены съ исторіей» *), потому что «*только историческое* было бы слѣпо, а *только идеальное*—пусто» **).

Если читатель раздѣляетъ эту основную мысль очерковъ, то онъ согласится съ необходимостью ознакомиться со взглядами нѣкоторыхъ писателей по государственнымъ наукамъ, которые причислены были къ совершенно безполезнымъ метафизикамъ.

Вопросъ о формахъ государственнаго устройства давно уже привлекалъ къ себѣ вниманіе мыслителей. Они старались классифицировать эти формы, взвѣсить ихъ относительное значеніе и объяснить причины возникновенія, развитія и упадка этихъ формъ. Не рѣдко подымался вопросъ о томъ, что важнѣе—учрежденіе или идеи, и споры подобнаго рода далеко не кончены въ настоящее время. Намъ думается, что именно теперь, когда накопился громадный фактическій матеріалъ, новый пересмотръ стараго вопроса былъ бы особенно полезенъ. Задача этихъ очерковъ заключается въ томъ, чтобы привести нѣсколько доказательствъ необходимости этого пересмотра, вызвать изъ несправедливаго забвенія идеи, недостатокъ которыхъ чувствуется въ современномъ обществѣ.

I.

XIX вѣкъ начался рѣзкою реакціей противъ того, что властно проповѣдывалось въ предшествовавшемъ столѣтіи. «Философскія и политическія теоріи вольнодумцевъ, на которыя еще такъ недавно раздавались дружные отклики во всѣхъ углахъ образованнаго общества, находятся подъ опалой, признаются зловредными и разрушительными» ***). Ужасы французской революціи вызвали стремленіе отступить назадъ, въ глубь среднихъ вѣковъ, поставить прочную преграду бурному историческому теченію. На борьбу выступила, между прочимъ, богословская или противореволюціонная школа. Писатели этой школы «поставили себѣ задачею бороться съ революціею во имя нравственныхъ основъ жизни. Правамъ народа они противополагаютъ права законныхъ князей, со-

*) *Юрид. Вѣстникъ*, февраль 1879 г.

**) Trendelenburg: „Naturrecht auf dem Grunde der Ethik“. 1868 г., стр. 45.

***) *А. А. Шаховъ:* „Французская литература въ первые годы XIX вѣка“, предисловіе.

зданіямъ человѣческаго произвола—нравственный порядокъ, установленный Богомъ на землѣ. Поэтому они ищутъ въ религіи главной опоры для своего ученія. Это направленіе сдѣлалось владычествующимъ во времена реакціи, послѣдовавшей въ европейскомъ мірѣ за Вѣнскимъ конгрессомъ,—реакціи, центромъ которой была Австрія» [1]).

«Правительства!—восклицаетъ одинъ изъ главныхъ представителей реакціонной мысли во Франціи, Бональдъ.—Если вы хотите укрѣпить людей, стѣсняйте сердца ихъ, дѣйствуйте наперекоръ ихъ влеченіямъ. Потокъ, не запруженный плотиною, теряется въ пескахъ; такъ и человѣкъ силенъ лишь тогда, когда его сдерживаютъ...» [2]) Бональдъ звалъ Францію назадъ, домой, въ средневѣковое государство. Науки въ то блаженное время распредѣлялись по сословіямъ: «богословіемъ занималось духовенство; добрыя политическія традиціи вѣдали бароны, даже если они и не умѣли читать». Послѣдовательный мыслитель справедливо находилъ, что въ излюбленномъ имъ государствѣ должно заниматься всего болѣе скотоводствомъ и охотою. Источникомъ всѣхъ бѣдствій современнаго ему общества Бональдъ признавалъ либерализмъ.

Съ французскимъ писателемъ во многомъ сходится знаменитый Галлеръ, авторъ «Возстановленія политической науки» (1816—1834 г.) [3]). Въ глазахъ Галлера, Руссо—невѣжественный софистъ, Монтескьё—ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ почетной извѣстности, имъ пріобрѣтенной. Къ Канту реакціонный мыслитель чувствуетъ *безграничное отвращеніе*. Передъ французскою революціей, по мнѣнію Галлера, былъ глубокій и продолжительный миръ, такое наслажденіе частною свободой, о какомъ теперь и понятія не имѣютъ. На всеобщее благополучіе того счастливаго времени мы смотримъ съ тоскою и слезами [4]). Такъ-называемое естественное состояніе никогда не прекращалось, необходимо и повсюду вызывая господство и зависимость, свободу и служебность (Dienstbarkeit) [5]). Государство отличается

[1]) *Г. Чичеринъ:* „Ист. политическихъ ученій", т. IV, стр. 209 и 210.

[2]) *Шаховъ*, стр. 145.

[3]) Полное заглавіе сочиненія: «Restauration der Staatswissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands der Chimäre des künstlich-bürgerlichen entgegensetzt.

[4]) *Carl Ludwig von Haller:* „Restauration der Staatswissenschaft", т. I, стр. 226 и 227.

[5]) Ibid., стр. 351.

отъ семьи и другихъ частныхъ союзовъ только независимостью властвующаго лица, высшимъ его могуществомъ, вслѣдствіе чего государство и не можетъ имѣть какой-либо самостоятельной цѣли, а представляетъ лишь аггрегатъ частныхъ союзовъ. Какъ никто не имѣетъ права отнять власть у хозяина дома или земли надъ этимъ домомъ или землею, такъ никто не въ правѣ лишить государя правленія. Не народъ создаетъ государей, а государи народъ. Если династія вымираетъ, если государь даритъ кому-либо свои права,—государство перестаетъ существовать.

Естественно, что въ галлеровскомъ государствѣ, въ которомъ на одной сторонѣ *сила власти*, не можетъ существовать на другой сторонѣ, у подданныхъ, *силы мнѣнія*. Галлеръ—послѣдовательный мыслитель. Свобода печати является для него поэтому привилегированнымъ распространеніемъ лжи и клеветы, хуже чѣмъ свобода драки и поджога *).

Но печальная эпоха реакціи не убила здравой политической мысли. Сквозь всѣ препятствія эта мысль, стѣсняемая и преслѣдуемая, прокладывала себѣ дорогу. Одинъ за другимъ выступали даровитые и самоотверженные писатели, которые возставали въ защиту свободы человѣческой личности и выставляли иныя требованія отъ государства, иначе опредѣляли его назначеніе, чѣмъ писатели-реакціонеры. Не будетъ лишнимъ привести нѣкоторыя изъ мыслей, возбуждавшихъ въ первой половинѣ нашего столѣтія и горячее сочувствіе, и ожесточенныя нападенія. Во Франціи Клермонъ-Тоннеръ и Бенжаменъ Констанъ съ необыкновеннымъ талантомъ защищали ученіе о раздѣленіи властей. Клермонъ-Тоннеръ первый высказался за необходимость строго различать королевскую власть отъ исполнительной. Бенжаменъ Констанъ подробно развиваетъ эту мысль. Король,—говоритъ онъ,—есть власть нейтральная, посредствующая между дѣятельными властями. Онъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, является судьею другихъ властей. Только строгое разграниченіе законодательной, судебной, исполнительной и королевской властей можетъ въ достаточной степени обезпечить личныя права, въ числѣ которыхъ находятся религіозная свобода, свобода печати и живаго слова. Шатобріанъ (въ XII главѣ своей «Монархіи по хартіи») преувеличиваетъ мысль Констана, требуя, чтобы король былъ только зрителемъ ошибокъ министра, который затѣмъ падаетъ вслѣдствіе

*) Объ этомъ Галлеръ говоритъ въ седьмой главѣ пятаго тома.

враждебныхъ ему постановленій палаты. Ученіе о безграничномъ повиновеніи власти находитъ въ Бенжаменѣ Констанѣ рѣшительнаго противника: «La doctrine d'obéissance illimitée à la loi a fait sous la tyrannie, et dans les orages des révolutions, plus de maux, peut-être, que toutes les autres erreurs qui ont égaré les hommes" *).

Съ увлеченіемъ принялись за разработку политическихъ вопросовъ и нѣмецкіе ученые. Роттекъ пишетъ, что его время есть эпоха конституцій: ихъ или горячо призываютъ, или рѣшительно отвергаютъ **). Князья должны понять, что выше и благороднѣе управлять свободными людьми, чѣмъ господствовать надъ рабами. Положительное право,—говоритъ знаменитый германскій ученый,—свято лишь настолько, насколько оно совпадаетъ съ естественнымъ, которое заключаетъ въ себѣ признаніе неприкосновенности человѣческой личности, свободы его совѣсти и слова.

Книга Роттека была запрещена въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, а мысли, имъ высказанныя, получали все большее и большее распространеніе. Принимая въ разсчетъ, что насъ отдѣляетъ отъ эпохи самой мрачной и жестокой реакціи нѣсколько десятковъ лѣтъ,—жизнь человѣка и моментъ въ жизни народа,—нельзя не согласиться со взглядомъ русскаго ученаго: «Въ литературѣ и даже въ нашей періодической печати часто высказывается мнѣніе, что представительныя учрежденія уже устарѣли, на практикѣ оказались негодными. Въ этихъ возгласахъ нельзя не видѣть большой незрѣлости политической мысли. Представительныя учрежденія не устарѣли уже потому, что почти нигдѣ еще не успѣли на континентѣ Европы пустить глубокіе корни и достигнуть полнаго, всесторонняго развитія. То происки правителей въ духѣ прежняго абсолютизма, то насилія революціонеровъ, не признающихъ ничего священнаго, расшатываютъ ихъ и обращаютъ въ мертвыя формы. Но на основаніи исторіи мы повторяемъ, что правовое государство для своего воплощенія нуждается въ представительныхъ учрежденіяхъ, которыя, однако, въ свою очередь требуютъ многихъ усовершенствованій и дополненій» ***).

---

*) *B. Constant*: „Cours de politique constitutienelle", p. 112. Bruxelles. 1837.

**) *Carl von Rotteck*: „Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften", 1824—1835, II, 172.

***) *Графъ Камаровскій*: „О международномъ судѣ", стр. 470.

Мнѣніе Попа:

«For forms of government let fools contest,
Whate'er is best administred, is the best [1])».—

уже давно вызываетъ рѣшительныя теоретическія опроверженія, опровергаясь въ то же время государственною жизнью и самой Великобританіи, и другихъ странъ. Пёлицъ указывалъ, что, по свидѣтельству исторіи, нигдѣ такъ легко не присвоиваетъ себѣ обширной власти то духовенство, то совѣтники, то личная стража (Leibwache) государя, какъ въ неограниченной монархіи, въ которой правитель въ дѣйствительности стѣсненъ болѣе, чѣмъ въ представительной монархіи [2]). Попытки доказать несогласимость послѣдней формы правленія съ духомъ христіанской церкви встрѣчали опроверженіе со стороны самыхъ умѣренныхъ мыслителей, преданность которыхъ христіанской религіи стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Если Фридрихъ Шлегель провозглашалъ представительство анти-христіанскимъ началомъ, то Шатобріанъ считаетъ эту форму правленія однимъ изъ прекраснѣйшихъ плодовъ именно христіанскаго ученія. Мысль о томъ, что самые лучшіе законы безсильны при дурномъ государственномъ устройствѣ, уже давно отстаивается многими выдающимися нѣмецкими писателями [3]). Мы не будемъ, конечно, приводить безчисленныхъ выдержекъ изъ сочиненій по государственному праву, которыми такъ богата западно-европейская литература, въ подтвержденіе нашей мысли: ея доказательствъ мы будемъ искать въ исторической жизни народовъ. Но и приведенныхъ указаній достаточно, по нашему мнѣнію, чтобъ убѣдиться въ плодотворномъ вліяніи, какое могла оказать (и дѣйствительно оказала) теоретическая мысль на развитіе государственнаго строя. Эта мысль многаго требовала отъ государства. Еще Фихте выставлялъ основнымъ положеніемъ разумнаго государственнаго устройства возможность для каждаго жить своимъ трудомъ [4]). Позднѣйшими мыслителями цѣли государственной формы общежитія опредѣлялись весьма раз-

---

[1]) Надо оставить пустой споръ о формахъ управленія: гдѣ лучше управленіе, тамъ и лучшая форма.

[2]) *Pölitz*: „Die Staatswissenschaften im Lichte unsrer Zeit", 1823—1824, I, 426.

[3]) Напримѣръ Аретиномъ (*Aretin*: „Staatsrecht der const. Monarchie", 2 Auflage, I, 91—92.

[4]) „Es ist Grundsätz jeder vernüftigen Staatsverfassung: Jedermann soll von einer Arbeit leben könenn". J. G. Fichte: Grundlage des Naturrechts, nach Principien der Wissenschaftslehre, 1796, II Theil, 30.

лично. Для однихъ государство являлось принудительнымъ учрежденіемъ, чтобъ осуществлять безопасность и право. Для другихъ основною задачей государства представлялось достиженіе благосостоянія. Третьи видѣли цѣль государства въ осуществленіи нравственнаго закона, и т. д. Великіе мыслители новаго времени развивали взгляды Платона или Аристотеля, бросали новый свѣтъ на задачи, которыя должны быть возложены на правительственную власть, и изыскивали средства, которыя всего скорѣе поведутъ къ достиженію этихъ задачъ. Но въ исторіи новѣйшей политической мысли наше вниманіе должно быть сосредоточено на немногихъ вопросахъ и на взглядахъ немногихъ писателей, которые подвергали изученію *формы государственнаго устройства*.

II.

Аристотелевская классификація государственныхъ формъ подвергалась въ девятнадцатомъ вѣкѣ болѣе или менѣе значительной переработкѣ. Этого важнаго вопроса въ нашихъ очеркахъ мы можемъ коснуться только мимоходомъ. Въ числѣ попытокъ представить новую классификацію государствъ отмѣтимъ принадлежащую Беру *). Этотъ ученый дѣлитъ формы государственнаго устройства на монархическую и дуархическую, смотря по тому, отдѣлена ли законодательная власть отъ исполнительной или нѣтъ, причемъ не важно, будетъ ли субъектомъ ея физическое или юридическое лицо. Другія классификаціи государственныхъ формъ общеизвѣстны.

Для насъ весьма важно, какъ объяснялось происхожденіе этихъ формъ, считались ли онѣ неизмѣнными типами, не подмѣчали ли ученые послѣдовательнаго развитія въ государственныхъ учрежденіяхъ.

И въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, мнѣнія писателей по государственному праву представляютъ большія различія. Мы приведемъ опять нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій нѣкоторыхъ второстепенныхъ ученыхъ, такъ какъ свѣдѣнія о взглядахъ величайшихъ представителей политической мысли достаточно распространены въ русскомъ образованномъ обществѣ.

*) *W. J. Behr:* „System der angewandten allgemeinen Staatslehre oder der Staatskunst“ *(Politik)*, 1810, §§ 151—153.

Мауренбрехеръ утверждаетъ, что нельзя говорить о *лучшей* конституціи ни въ идеѣ, ни въ дѣйствительности: всѣ формы правленія имѣютъ свои недостатки [1]). Фридрихъ Шмиттенеръ считаетъ доказаннымъ, что формы государственной жизни соотвѣтствуютъ различнымъ ступенямъ историческаго развитія [2]). Эти же ступени развитія проходитъ, конечно, и государственная идея, воплощаясь въ послѣдовательномъ рядѣ учрежденій. Потребовалась, — говоритъ Шмиттенеръ, — долгая научная работа, чтобъ убѣдиться, наконецъ, въ той простой истинѣ, что историческій процессъ развитія государства заключается во взаимодѣйствіи людей и учрежденій, что въ этомъ историческомъ процессѣ содержаніе и форма обусловливаютъ другъ друга [3]).

Но противъ мысли о послѣдовательности развитія формъ государственнаго устройства рѣшительно возстаютъ многіе писатели. Съ книгой одного изъ этихъ писателей, о которомъ, насколько намъ извѣстно, нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ русской литературѣ, мы и познакомимъ читателей. Она называется: «О формахъ правленія и законахъ, которые ими управляютъ», и написана И. Пасси [4]).

Пасси говоритъ во введеніи къ своей книгѣ, что она заключаетъ въ себѣ изученіе причинъ разнообразія формъ государственнаго устройства. Это разнообразіе — явленіе не новое и существуетъ съ самаго начала государственной жизни народовъ. Явленіе такой очевидности и важности не могло, конечно, не обратить на себя вниманія мыслителей, и тѣмъ не менѣе до настоящаго времени многіе основные вопросы остаются не разрѣшенными. Причину относительной безплодности научной мысли Пасси видитъ въ недостаточномъ изученіи фактовъ. Эти факты—произведеніе сложной игры стремленій, нуждъ, страстей, въ которыхъ раскрывается природа человѣка — могутъ доставить всѣ необходимыя данныя для опредѣленнаго рѣшенія вопроса.

Эти факты прежде всего указываютъ на то, что разнообразныя формы государственнаго устройства существуютъ постоянно. Цивилизація, — говоритъ французскій ученый, — не стерла и не

---

[1]) *Maurenbrecher:* „Grundsätze des heutigen deutschen Staatsrechts", 1837, 68 — 69.

[2]) *F. Schmitthenner:* Zwölf Bücher vom Staate, oder systematische Encyklopädie der Staatswissenschaften", T. III, Bd. VII, „Grundlinien des allg. oder idealen Staatsrechts", 1845, 5.

[3]) Ibid., 203.

[4]) *H. Passy:* „Des formes de gouvernement et des lois qui les régissent", 1870.

уменьшила различій въ способѣ устройства государствъ; она не повліяла сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ на формы государственной жизни *). Но этому безотрадному взгляду, который высказываетъ Пасси въ началѣ своего сочиненія, можно противопоставить его же мнѣніе, высказанное въ концѣ изслѣдованія. Очевидно, — говоритъ французскій ученый въ послѣдней главѣ книги, — что современная цивилизація въ самомъ развитіи своемъ пріобрѣтаетъ двигателей, которые вліяютъ на прежнія силы, на прежнія условія. Но если различіе въ формахъ правленія и ослабѣло уже теперь, если оно и еще болѣе ослабѣетъ въ будущемъ, — замѣчаетъ Пасси, — то ничто не даетъ намъ права заключать объ исчезновеніи *всякихъ различій* въ государственныхъ формахъ **). На это можно возразить, что о полномъ будущемъ сходствѣ государственнаго устройства во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ и не говоритъ никто изъ защитниковъ того взгляда, по которому государственныя формы подвергаются историческому развитію, соотвѣтствуя ступенямъ просвѣщенія и всѣмъ условіямъ народной жизни.

Во всякомъ обществѣ, — продолжаетъ Пасси, — та часть верховной власти, которою общество не можетъ пользоваться непосредственно, сосредоточивается въ рукахъ правительства. Высшая власть (суверенитетъ) однако до такой степени присуща обществу, такъ неразрывно съ нимъ связана, что никогда и нигдѣ, какова бы ни была форма правленія у даннаго народа, правительство не могло вполнѣ безраздѣльно присвоить себѣ эту власть. Во всѣхъ странахъ чувства, интересы, мнѣнія, желанія и вѣрованія управляемыхъ вліяютъ на управляющихъ, не только сдерживая правительство въ однихъ случаяхъ, но и направляя его дѣятельность въ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Пасси, правительство всегда соотвѣтствуетъ обществу, удовлетворяетъ, въ главномъ, общественнымъ потребностямъ и въ свою очередь вліяетъ на общество. Но эта мысль о гармоніи между управляющими и управляемыми немедленно же подвергается у Пасси многознаменательной оговоркѣ: отношенія взаимной зависимости могутъ существовать между правительствомъ и всѣмъ на-

*) „Des formes de gouvernement", intr., VI—VII.

**) Ibid., 444: „Mais si la diversité des formes de gouvernement a perdu et est destinée à perdre encore quelque chose de son ancienne efficacité, rien dans les faits passés et présents n' autorise à penser qu' elle finisse par la perdre tout entière".

родомъ, равнымъ образомъ и между правительствомъ и только частью народа, господствующими классами. Ту же мысль высказываетъ и Гербертъ Спенсеръ *), замѣчая, что въ сложныхъ случаяхъ сила правящей агентуры (правительства) возникаетъ подъ вліяніемъ дѣйствія чувствъ той части общества, которая имѣетъ возможность проявлять свои чувства. Слѣдовательно, при разныхъ историческихъ условіяхъ отношенія между народомъ и правительствомъ бываютъ различны, и въ этомъ Пасси видитъ основной признакъ различія формъ государственнаго устройства. Дѣйствительная власть (осуществляемый суверенитетъ) можетъ или почти вся принадлежать правительству, или почти вся принадлежать самому обществу. Въ этихъ предѣлахъ колеблются политическія формы отъ полной, непосредственно самоуправляющейся демократіи до неограниченной монархіи и до деспотіи. Замѣтимъ, впрочемъ, что деспотію нельзя назвать государствомъ: по справедливому выраженію Роттека, тамъ, гдѣ личность гражданина не имѣетъ никакихъ правъ, тамъ нѣтъ и государства **). Но всемогущество короны, о которомъ нерѣдко идутъ споры, въ сущности только лживое предположеніе, обманчивая фикція. Исторія, — говоритъ Пасси, — представляетъ полное доказательство того, что авторитетъ государственной власти подвергался наиболѣе тяжкимъ испытаніямъ и опасностямъ именно тогда, когда онъ сосредоточивался исключительно въ однѣхъ рукахъ. «Quelles que soient les injonctions de la loi, les maximes préconisées et admises, il reste toujours une sphère où se réfugie la souveraineté nationale, et d'où elle sort, altérée de vengeance, toutes les fois qu'elle y est attacquée»

Но какія же причины вызываютъ то или иное распредѣленіе верховной власти? Другими словами, какія причины обусловливаютъ различіе формъ государственнаго устройства?—Пасси даетъ на это слѣдующіе отвѣты:

---

*) *Спенсеръ:* „Развитіе политическихъ учрежденій" (въ журналѣ *Мысль* 1881 г. печатался переводъ этого сочиненія и мои цитаты будутъ дѣлаться по этому переводу).

**) Какъ справедливо замѣчаетъ Фриманъ, объемъ королевской власти можетъ быть очень различенъ, и не въ этомъ, а въ способѣ происхожденія лежитъ ея отличіе отъ власти президента республики (*Freeman:* „Presidential government"). Любопытно, что въ Норвегіи, странѣ наиболѣе демократически организованной (изъ монархій), королевская воля значитъ болѣе, чѣмъ въ Англіи. („The royl authority is more narrowly limited than in any other kingdom, yet the personal will of a King of Norway counts for more than the personal will of a King of England".)

Задача правительства повсюду одна и та же. Поддержать единеніе и миръ внутри государства, оградить его отъ нападеній извнѣ—вотъ требованіе, которое предъявляется къ правительству. Это требованіе—всѣхъ обществъ и различается оно въ разныхъ странахъ только количественно. Если данное государство заключаетъ въ себѣ нѣсколько племенъ, между которыми существуетъ рознь, если въ этомъ государствѣ существуютъ другія причины, вслѣдствіе которыхъ взаимныя отношенія или одного класса къ другому, или одной провинціи къ остальнымъ отличаются большою враждебностью, то поддержаніе порядка внутри и защита отъ внѣшнихъ нападеній становятся особенно затруднительными. Потребность въ сохраненіи цѣлаго и въ безопасности личности занимаетъ въ подобныхъ случаяхъ первое мѣсто, и вслѣдствіе этого правительственная власть можетъ увеличиваться до неограниченной монархіи, а политическая свобода упадать до нуля. Но,—замѣчаетъ Пасси,—мало обществъ, на столько плохо составленныхъ, чтобъ они не могли принимать хоть нѣкоторое участіе въ законодательной власти. Само собою разумѣется, что обширныя государства, составленныя путемъ захватовъ и завоеваній, наименѣе способны къ политической свободѣ. По этому поводу опять не безполезно сопоставить съ мнѣніемъ и выводами французскаго ученаго соображенія, которыя высказываетъ Гербертъ Спенсеръ. «Такъ какъ охраненіе общества предшествовало охраненію индивидуума, будучи условіемъ этого послѣдняго, то мы,—говоритъ Спенсеръ,—должны при изученіи общественныхъ явленій понимать добро и зло скорѣе въ первобытномъ смыслѣ, чѣмъ въ позднѣйшемъ,—слѣдовательно, разсматривать какъ относительно хорошее все то, что помогло переживанію (survival*) общества, какъ бы ни были при этомъ велики страданія, выпавшія на долю индивидуума». Поэтому-то первыя ступени развитія цивилизаціи обусловливаютъ относительную безчеловѣчность. Англійскій мыслитель указываетъ на то, что съ образованіемъ большихъ націй, занявшихъ обширныя территоріи, прекратились войны внутри этихъ территорій и, вообще, «выгоды, пріобрѣтенныя въ теченіе приготовительнаго періода, останутся въ вѣчное наслѣдство, страданія же, какъ общественныя, такъ

*) Мы думаемъ, что *переживаніе* въ данномъ случаѣ не точно передаетъ смыслъ слова *survival:* дѣло идетъ о томъ, что общество переживаетъ опасность, сохраняется, жертвуя отдѣльными личностями для блага слѣдующихъ поколѣній.

и личныя, произведенныя этимъ періодомъ, уменьшатся и постепенно вымрутъ».

Пасси не видитъ, въ противоположность Спенсеру, возможности утверждать послѣдовательной смѣны формъ государственнаго устройства, потому что элементы розни, по его мнѣнію, существуютъ постоянно, хотя и терпятъ измѣненія въ числѣ и значеніи. Пасси далекъ отъ мысли утверждать, что форма правленія всегда соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ нуждамъ народа. Правительства вообще мало склонны уступать хоть часть разъ пріобрѣтенной власти, и революціонные ураганы лучше всего свидѣтельствуютъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ эта близорукая неуступчивость требованіямъ времени*). Но государства, созданныя только насиліемъ, только насиліемъ и могутъ держаться. Поэтому-то большія государства, поглотившія не мало отдѣльныхъ племенъ съ самостоятельною когда-то организаціей, въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ благодѣяній политической свободы. Ничто,—говоритъ Пасси,—не принесло человѣчеству такого ужасающаго вреда, какъ страсть къ побѣдамъ, къ завоеваніямъ. Отъ войнъ страдаютъ и побѣжденные, и побѣдители, такъ какъ насиліе надъ другимъ народомъ не проходитъ безнаказанно, и внѣшній блескъ, и расширеніе территоріи на счетъ сосѣдей вызываютъ въ большей или меньшей степени стѣсненіе политической свободы у побѣдителей. Монтескьё говорилъ, что небольшимъ государствамъ свойственна республиканская форма правленія, большимъ — монархическая, а громадныя государства по-неволѣ должны управляться деспотами. Пасси мало надѣется даже на федеративное устройство, которое соединяетъ выгоды необширныхъ государствъ съ преимуществами великихъ. Въ этомъ отношеніи Пасси раздѣляетъ общую участь французскихъ писателей, которые, за весьма немногими исключеніями, не могутъ правильно оцѣнить мѣстнаго самоуправленія и не въ состояніи представить себѣ государства—не централизированнаго, не стянутаго во всѣхъ отношеніяхъ къ власти, управляющей изъ столицы. Но за то разбираемый нами писатель вполнѣ правъ, когда горячо и краснорѣчиво возстаетъ противъ льстящихъ народному самолюбію завоеваній. Горе и разоренье, которыя наноситъ каж-

*) По этому поводу намъ припоминаются слова Мена: „Law is stable; the societies we are speaking of are progressive. The greater or less happiness of a people depends of the degree of promptitude with wich the gulf is narrowed“ (*Maine:* „Ancient Law“, 1876. 24).

дая война, такъ велики, ея послѣдствія во всѣхъ отношеніяхъ такъ прискорбны, что только печальная необходимость, требованіе самообороны могутъ оправдать нарушеніе мира. Писатели-реакціонеры держатся, конечно, иного мнѣнія. Такъ Галлеръ, на котораго мы уже нѣсколько разъ ссылались, говоритъ, что продолжительный миръ есть ядъ, убивающій государство. Накопленіе богатства при этомъ мирѣ влечетъ за собою изнѣженность, мужество исчезаетъ, а съ нимъ вмѣстѣ и другія добродѣтели. На это можно возразить, что жестокости и невѣжества еще надолго хватитъ людямъ и безъ новыхъ войнъ, которыя усиливаютъ вражду, разрушаютъ все, пріобрѣтенное тяжелымъ трудомъ, и задерживаютъ умственное развитіе общества. Поэтому-то сознательное противодѣйствіе воинственнымъ стремленіямъ правительствъ и нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ постоянно усиливается въ западной Европѣ. «Особенно *рабочіе классы*, болѣе всего страдающіе отъ войны, хлопочутъ о противодѣйствіи ей *). Расходы на войско, которые достигаютъ въ европейскихъ странахъ *400.000.000 фунт. стерлинг. ежегодно*, подавляютъ развитіе народнаго благосостоянія, и знаменитый Ричардъ съ полнымъ правомъ возставалъ противъ общераспространеннаго предразсудка, что надо готовить войну, чтобы сохранить миръ. «Я дозволю себѣ утверждать, — говорилъ Ричардъ, — что никогда еще легковѣрной толпѣ не высказывали правила, столь противорѣчащаго здравому разсудку, нашему знанію человѣческой природы и свидѣтельствамъ исторіи. Мы могли бы, по этой аналогіи, съ такимъ же совершеннымъ правомъ сказать, что если мы хотимъ предохранить наши жилища отъ огня, мы лучше всего поступимъ, если наполнимъ наши погреба порохомъ, петролеумомъ и спичками и дозволимъ затѣмъ какимъ-либо шалунамъ играть у насъ въ жмурки. Развѣ съ этими шалунами нельзя сравнить государей и дипломатовъ Европы, которые ведутъ свою странную игру среди всѣхъ воспламенимыхъ веществъ, собранныхъ ими въ одно цѣлое, и между тѣмъ увѣряютъ, что они одни составляютъ надежную стражу противъ пожара» **).

Пасси утверждаетъ, что формы государственнаго устройства не развиваются послѣдовательно, что прогресса въ этомъ отношеніи не замѣчается въ исторіи. Гербертъ Спенсеръ высказы-

*) *Графъ Камаровскій:* „О международномъ судѣ", стр. 306.
**) Ibid., стр. 336.

вастъ мысль, заключающую въ себѣ отрицаніе полнаго соотвѣтствія между развитіемъ политическихъ формъ и развитіемъ личности. Онъ говоритъ: «Намъ не нужно искать въ отдаленныхъ областяхъ или у чужихъ расъ доказательствъ того, что не существуетъ необходимой связи между общественными типами, носящими названіе цивилизованныхъ, и высшими чувствами, которыя мы обыкновенно соединяемъ съ цивилизаціей». Но и Спенсеръ, и Пасси признаютъ могущественное вліяніе учрежденій на личность. Англійскій мыслитель прямо говоритъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія: «Нѣкоторое отношеніе между нравственнымъ характеромъ и общественнымъ типомъ существуетъ». Измѣняемость общественной структуры является для него условіемъ дальнѣйшаго развитія, въ которомъ военный типъ государственнаго устройства все болѣе и болѣе замѣняется промышленнымъ типомъ. Пасси, въ свою очередь, прямо заявляетъ: «Какъ и разнообразіе общественныхъ условій, разнообразіе правительственныхъ формъ имѣло свою долю вліянія въ развитіи цивилизаціи» *). Невозможно, по нашему мнѣнію, оспаривать мысли, уже давно высказанной знаменитымъ Гизо: Сущность цивилизаціи заключается въ двухъ фактахъ: въ развитіи строя общественнаго и въ развитіи строя интеллектуальнаго; въ улучшеніи внѣшняго, общаго положенія и въ улучшеніи внутренней, личной природы человѣка; однимъ словомъ, въ усовершенствованіи общества и человѣка.

И когда,—говоритъ Гизо,—въ теченіе долгаго времени индивидуальное развитіе отстаетъ отъ общественнаго, или, наоборотъ, политическія формы, государственное устройство отстаетъ отъ развитія личности, тогда обществомъ овладѣваетъ сильное сожалѣніе, чувство печальной пустоты **).

Дѣйствительно, потребность безопасности и всего государства, и отдѣльнаго гражданина всегда являлась первою изъ потребностей общежитія. Когда отечеству угрожаетъ иноземный врагъ, когда жизнь частнаго лица не ограждена въ самомъ государствѣ, то заботы о благосостояніи, о достиженіи высшихъ цѣлей общежитія по-неволѣ должны занимать незначительное мѣсто, отсту-

*) „Comme la diversité des circonstances sociales, la diversité des formes de gouvernement a eu sa part d'influence sur le développement de la civilisation", стр. 423.

**) *Гизо:* „Исторія цивилизаціи во Франціи", русскій переводъ г. Виноградова, т. I, стр. 12.

пать на задній планъ. Подобныя обстоятельства составляютъ историческое несчастіе. Но если такое положеніе вещей, требующее почти полнаго выдѣленія общественной власти отъ самого общества въ особый органъ, продолжается въ теченіе долгаго времени, то народу угрожаетъ величайшая опасность. У него слабѣетъ интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Не участвуя въ политической жизни, онъ утрачиваетъ политическій смыслъ, а безъ этого смысла самые мудрые государственные люди, самое сильное, великодушное и просвѣщенное правительство не въ состояніи правильно руководить внѣшнею политикой и разумно относиться къ явленіямъ внутренней жизни. По счастью, распространеніе образованія уже дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи, смягчая международную вражду, проясняя общественное самосознаніе. Государства новаго времени не могутъ держаться исключительно на силѣ физической. Съ каждымъ годомъ для нихъ становится все болѣе и болѣе настоятельною необходимостью опираться на силу общественнаго мнѣнія. Съ другой стороны, ростъ потребностей общежитія, хозяйственныхъ и духовныхъ, не менѣе повелительно требуетъ широкаго развитія самоуправленія. Слѣдующій очеркъ и будетъ посвященъ этому послѣднему.

III.

Западно-европейское общество, которое отъ *l'état—c'est moi*, въ одушевленной вѣрѣ въ чарующую силу разума и любви, мечтало сразу достигнуть *liberté*, *égalité*, *fraternité*, уже испытало въ этомъ отношеніи много горькихъ разочарованій. Разочарованія вызвали попытки компромисса между старымъ и новымъ; но еще Ф. Ю. Шталь *), возставая противъ Цахаріэ, указывалъ послѣднему, что, отвергая и теорію легитимизма, и теорію народнаго верховенства, онъ занимаетъ мѣсто между небомъ и землею, на нейтральной почвѣ воздуха. Въ самомъ дѣлѣ, народное верховенство, даже при всеобщей подачѣ голосовъ, приводило иной разъ къ непривлекательному, наиболѣе безнравственному виду цезаризма, и Наполеонъ III сдѣлался изъ президента республики императоромъ французовъ «волею народа». Нейтральная же почва, на которую думалъ стать Цахаріэ, отличалась крайнею зыбкостью, если даже и не соглашаться съ Шталемъ въ

*) *F. J. Stahl*: „Die Philosophie des Rechts“.

томъ, что его противникъ опиралъ свою теорію на воздухъ. Цахаріэ, по аналогіи съ человѣческимъ тѣломъ, разсматриваетъ государство съ физіологической и патологической точки зрѣнія. Государство, по его мнѣнію, можетъ страдать болѣзнями, какъ живой организмъ, причемъ болѣзни эти могутъ быть или мѣстными, или общими (среди послѣднихъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ революціи). Цахаріэ признаетъ нормальнымъ не одинъ какой-либо видъ государственнаго устройства, а всѣ, начиная съ деспотіи и кончая конституціонною монархіей. Профессоръ Сергѣевичъ справедливо возражаетъ на это: «никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что всѣ историческіе виды государствъ суть одинаково здоровые, поскольку они соотвѣтствуютъ своему понятію, иначе — поскольку основныя начала ихъ положительнаго права проведены послѣдовательно. Деспотія, напримѣръ, какъ господство насилія (Zwingherrschaft, по собственному выраженію Цахаріэ), никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ явленіе здоровое» *). По теоріи нѣмецкаго ученаго, конституціонная монархія должна согласовать правовое государство съ теократіей, и эту-то мысль Шталь и подвергъ приведенному нами ироническому осужденію. Подобное сочетаніе,—замѣчаетъ г. Чичеринъ **),—противорѣчитъ существу теократіи, а конституціонная монархія «дѣйствительно имѣетъ въ виду соединить выгоды монархіи съ преимуществами народнаго правленія, но это сочетаніе происходитъ въ предѣлахъ чисто свѣтскаго государства».

Для правильнаго пониманія исторической жизни необходимо было выяснить всѣ ея явленія, разсмотрѣть не только государственныя формы, правительственную власть и ея отношенія къ отдѣльному человѣку, къ гражданину государства, къ его подданному или рабу, но и подвергнуть подробному и тщательному изслѣдованію *общество*. Въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ много потрудились нѣмецкіе ученые, въ особенности Гнейстъ, своими историческими изслѣдованіями, и Лоренцъ Штейнъ. ***).

Іюльская революція,—говоритъ второй изъ названныхъ писателей,—была актомъ, посредствомъ котораго достигло окончатель-

---

*) *Сергѣевичъ:* „Задача и метода государственныхъ наукъ", стр. 162.

**) *Чичеринъ:* „Исторія политическихъ ученій", т. IV, стр. 564.

***) Мы ограничиваемся этими двумя учеными, такъ какъ не имѣемъ въ виду писать очерка политическихъ ученій. Съ трудомъ одного изъ выдающихся въ этомъ отношеніи мыслителей, Риля, читатели могутъ познакомиться по статьямъ академика В. П. Безобразова (въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за прежніе годы).

наго господства промышленное общество (die industrielle Gesellschaft). Ею уничтожены послѣдніе остатки феодальнаго порядка; она является естественнымъ заключеніемъ революціи 1789 года и въ то же время началомъ новаго, *соціальнаго* движенія. Въ основѣ народно-хозяйственнаго общества (die volkswirthschaftliche Gesellschaft) лежитъ противорѣчіе. Покоясь на правовомъ *равенствѣ* и промышленной *свободѣ*, общество это строится однако на *имущественномъ обладаніи* *). Послѣднее даетъ политическую мощь владѣющимъ классамъ, которые подчиняютъ себѣ государственную власть. Принципъ правоваго равенства въ своемъ приложеніи къ государственной власти является чисто отрицательнымъ: онъ исключаетъ всѣ льготы и преимущества. Принципъ свободы промышленной, свободы собственнаго пріобрѣтенія, необходимо предполагаетъ *самоуправленіе*. Владѣніе служитъ основою правъ, и опирающееся на цензъ представительство, т. е. участіе во всемъ государственномъ управленіи, замыкаетъ стремленія господствующихъ классовъ. Конституціонализмъ,—говоритъ Штейнъ,—необходимая государственная форма, потому что большой капиталъ—необходимый элементъ промышленности **).

Такимъ образомъ *интересъ* (имущественный) вступаетъ въ противорѣчіе съ идеей всеобщей свободы и развитія, потому что этотъ интересъ по самому существу своему подчиняетъ неимущихъ имущимъ. Носителемъ всеобщей свободы является, по Штейну, государство, которое не должно служить выгодамъ одного какого-либо класса, ибо оно потеряло бы тогда свое высокое значеніе. Наслѣдственная королевская власть обязана стоять *надъ* борьбою отдѣльныхъ группъ общества, свято охраняя свободу каждаго и всѣхъ. Именно въ этомъ своемъ значеніи, какъ носительница свободнаго развитія (Träger der freiheitlichen Entwicklung), королевская власть и пользовалась въ исторіи сочувствіемъ низшихъ, наиболѣе многочисленныхъ, наиболѣе бѣдныхъ слоевъ народа. Такова же задача и *демократіи*: она стремится къ дѣйствительному осуществленію равенства, посредствомъ государственной власти. Гдѣ, въ промышленномъ обществѣ, появляется демократія, тамъ она служитъ политическимъ выраженіемъ противоположности просто работающихъ классовъ и капитала ***).

---

*) *J. Stein*: „Die industrielle Gesellschaft. Der Socialismus und Communismus Frankreichs von 1830 bis, 1848, 2. Ausgabe, 1855 г., стр. 14, 15 и 39.

**) Ibid., стр. 43.

***) Ibid., стр. 51—52 и 476.

Общество и государство, слѣдовательно, не одно и то же. До признанія самостоятельности общества дошли однако благодаря лишь потрясеніемъ экономическаго и политическаго строя *). Многіе поэтому видѣли въ обществѣ только то, что подвергалось опасности и что вызывало эту опасность, бѣдность, напримѣръ. Но несостоятельность этого взгляда очевидна. Въ обществѣ отражается духовная жизнь человѣчества; оно является внѣшнимъ выраженіемъ этой жизни (die äussere Ordnung des geistiges Lebens in der menschlichen Gemeinschaft). Дѣйствительное общество заключаетъ въ себѣ родъ, сословіе или промышленный классъ, и лучшею его формой Штейну представляется та, въ которой этотъ родъ, сословіе и промышленный строй, низшій, средній и высшій классы находятся въ полномъ развитіи и взаимномъ проникновеніи. Различіе въ людяхъ служитъ необходимымъ предположеніемъ для равномѣрнаго достиженія разнообразныхъ цѣлей общежитія, и было бы совершенною нелѣпостью разныя задачи стремиться разрѣшать однообразными силами **).

Въ ученіи Штейна объ обществѣ, насколько оно обрисовывается въ двухъ цитированныхъ нами сочиненіяхъ, много неяснаго, а иногда встрѣчаются въ немъ и противорѣчія. Такъ народъ представляется Штейну — какъ средній членъ между государствомъ и обществомъ (Das Volk als Mittelglied zwischen Gesellschaft und Staat). Но, дополнивши приведенныя мысли замѣчаніями, которыя высказываются въ другихъ трудахъ знаменитаго германскаго ученаго, можно съ достаточною опредѣленностью формулировать его взглядъ на общество и на самоуправленіе.

Общество — порядокъ господства или различія, строй, произведенный общностью цѣли и неравенствомъ силъ, единство неравнаго. Тремя основными формами общества являются: родовая, сословная (опредѣленная различіемъ призванія, профессіи), государственно-гражданская (различіе капитала, имущества ***).

Самоуправленіе — участіе гражданъ въ мѣстномъ управленіи. По существу, самоуправленіе одинаково у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, но по формѣ оно безконечно разнообразно. Для того, чтобъ участіе гражданъ въ управленіи могло быть признано за самоуправленіе, необходимо его постоянство и ограни-

*) *Stein:* „System der Staatswissenschaft", II. Die Gesellschaftslehre, стр. 23.

**) Ibid., стр. 87 и 430.

***) Gegenwart und Zukunft der Rechts—und Staatswissenschaft Deutschlands, 1876, стр. 114, 115, 134, 135 и 138.

ченіе мѣстомъ и предметомъ (вѣдомствомъ). Всякая форма самоуправленія заключаетъ въ себѣ ограниченіе правительственной власти, чиновничества (Amtswesen), являясь необходимымъ послѣдствіемъ признанія гражданской свободы. Самоуправленіе есть истинная область индивидуальности въ государственной жизни*).

Наконецъ, въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, Штейнъ развиваетъ тѣ же мысли, какія насквозь проникаютъ его прежніе труды. Государственная идея находитъ себѣ, по мнѣнію нѣмецкаго ученаго, высшее выраженіе въ личности государя. Существо же государства заключается въ томъ, что мѣра развитія отдѣльнаго лица становится мѣрою развитія цѣлаго. Совершенствованіе этого цѣлаго или его упадокъ немыслимы безъ совершенствованія или упадка личности. Великая задача королевской власти именно и состоитъ въ развитіи и упроченіи, посредствомъ управленія, всеобщей свободы, въ ея осуществленіи на дѣлѣ. Чистая государственная идея ведетъ неустанную борьбу съ силами, которыя рождаются обществомъ, возникшимъ вслѣдствіе того или иного неравномѣрнаго распредѣленія имущества**).

Дополнимъ приведенныя мысли Штейна еще нѣсколькими выдержками изъ его прекрасной «Учебной книги финансовой науки», чтобы взгляды высокодаровитаго ученаго получили достаточно-ясное освѣщеніе.

Въ міровой исторіи эпоху господства однихъ надъ другими, части надъ цѣлымъ, смѣнила эпоха правоваго и общественнаго равенства (diejenige, welche das Princip der rechtlichen und gesellschaftlichen Gleicheit aller zur Geitung bringt***). Въ первую эпоху государственное хозяйство было несвободнымъ, а въ послѣднюю оно является свободнымъ, сообразнымъ съ конституціей (die verfassungsmässige Staatswirtschaft). Только съ возникновеніемъ и развитіемъ народнаго представительства государственные доходы и расходы получаютъ правильную постановку, и бюджетъ, роспись прихода и издержекъ, становится *закономъ*.

Развитіе всѣхъ гражданъ, созданіе условій, которыя обезпечиваютъ свободу и совершенствованіе человѣка, составляетъ, по

---

*) Die Verwaltungslehre, т. I, стр. 364—368.

**) *Stein:* „Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft", 1881, стр. 66, 68; 1—2.

***) Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 3 Auflage, 16. Это *общественное* равенство съ его принципомъ звучитъ нѣкоторымъ противорѣчіемъ другимъ выраженіямъ и мыслямъ Штейна.

Штейну, прямую и главнѣйшую задачу государства, неисполненіе которой указываетъ на измѣну этому великому призванію государственной власти. Другой изъ упомянутыхъ нами нѣмецкихъ ученыхъ, Рудольфъ Гнейстъ, также высоко ставитъ призваніе государства. Онъ осуждаетъ стремленіе чрезмѣрно расширять понятіе общества, стремленіе подчинить этому обществу государство, видѣть въ послѣднемъ только средство для достиженія цѣлей перваго *). Землевладѣльцы, крестьяне, купцы, фабриканты, прикащики, духовныя лица, чиновники, ученые, художники — толпятся въ современномъ обществѣ, разбиваясь на отдѣльныя группы. Въ отживающемъ, абсолютномъ государствѣ всѣ эти группы находили только внѣшній порядокъ, безъ самостоятельности и безъ отвѣтственности. Но съ возсоединеніемъ общества и государства (Wiederverbindung der Gesellschaft mit dem Staat), которое произошло благодаря введенію представительной формы правленія (constitutionelle Verfassung), начинается новое движеніе.

«Мысль, что абсолютизмъ въ государствѣ происходитъ отъ соціальной розни и отчужденія общества отъ государства и что политическая свобода можетъ имѣть мѣсто только при гармоническомъ слитіи общественныхъ и государственныхъ началъ, составляетъ исходное понятіе изслѣдованій Гнейста» **): Господствующіе въ обществѣ классы стремятся къ тому, чтобъ овладѣть государственною волею при помощи конституціи, чтобъ овладѣть осуществленіемъ этой воли при помощи управленія. Послѣ каждой революціи власть попадаетъ въ руки не народа, а общества, и народное верховенство является въ дѣйствительности верховенствомъ общества, то-есть наиболѣе богатаго, наиболѣе сильнаго сословія. Это противорѣчіе интересовъ не разрѣшимо, по мнѣнію Гнейста. Человѣкъ можетъ быть справедливъ и благосклоненъ по отношенію къ людямъ; но такимъ никогда не можетъ быть одинъ общественный классъ въ борьбѣ съ другимъ. Выходъ дается только государствомъ, которое имѣетъ своимъ основаніемъ нравственную природу людей, тогда какъ основаніе общества есть хозяйственное. Воплощеніемъ этого идеальнаго государственнаго начала служитъ королевская власть, произведеніе германскаго народнаго духа ***); но политическая свобода

*) *Gneist:* „Der Rechtsstaat", 1872, стр. 183.

**) *Г. Назимовъ:* „Теорія конституціонализма и самоуправленія", Рудольфа Гнейста, 1881 г., Ярославль, стр. 19. Хорошая, но, къ сожалѣнію, мало замѣченная работа.

***) „Der Rechtsstaat", стр. 8, 9 и 11.

можетъ быть поддержана только при органической связи и взаимномъ дополненіи государственно-служебнаго начала (чиновничества, Berufsamt) и почетно-служебнаго начала въ обществѣ (Ehrenamt der Gesellschaft). Безвозмездная служба по самоуправленію, дающая власть и почетъ, представляется Гнейсту истиннымъ самоуправленіемъ. Естественно, что это возведеніе въ образецъ для подражанія, въ догматъ государственнаго устройства отживающаго въ самой Великобританіи порядка вещей встрѣтило рѣшительныя возраженія. Общественное неравенство въ значительной степени упрочивается при такой системѣ управленія, гдѣ представители господствующихъ классовъ разрѣшаютъ вопросы мѣстнаго интереса. Указавъ на монархическую власть, какъ на охранительницу идеи справедливости, безпристрастно относящуюся къ борьбѣ общественныхъ классовъ, зорко слѣдящую за тѣмъ, чтобы рабочіе классы, большинство населенія, не пострадали отъ своекорыстныхъ стремленій имущихъ сословій, Гнейстъ признаетъ возможнымъ отдать интересы этого большинства въ руки меньшинства при устройствѣ мѣстнаго самоуправленія. Но понятно, что въ любой единицѣ самоуправленія произойдетъ та же разрушительная борьба, которая происходитъ въ обществѣ вообще, потому что, какъ говоритъ самъ Гнейстъ, никакой общественный классъ никогда не будетъ справедливъ и благосклоненъ къ другому классу.

Блунчли замѣчаетъ, что Гнейстъ въ неприкосновенности власти короны усматриваетъ истинный центръ государства, формальное объединеніе и освященіе правоваго порядка, необходимую охрану отъ своеволія партій. Идеи нѣмецкій ученый цѣнитъ мало и выше всего ставитъ учрежденія, вооружаясь однако противъ купеческаго взгляда на государство, по которому послѣднее является какъ бы акціонерною компаніей *).

Упомянутыя сочиненія Гнейста и Штейна, труды Роберта Моля и многихъ другихъ писателей сильно выдвинули впередъ вопросы объ обществѣ и самоуправленіи. Это направленіе научной мысли вызвало и возраженія, которыя стремятся доказать, что нѣтъ и не можетъ быть особой науки объ обществѣ (Gesellschaftswissenschaft). Для того, чтобы дать понятіе о подобныхъ возраженіяхъ, приведемъ нѣкоторыя изъ замѣчаній, сдѣланныхъ извѣстнымъ историкомъ Генрихомъ Трейчке **).

---

*) *Блунчли*: „Исторія общаго госуд. права и политики“, стр. 524—527.

**) *H. von Treitschke*: „Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch“. 1859.

Трейчке имѣетъ въ виду болѣе всего ученіе Роберта Моля. Послѣдній причисляетъ къ общественнымъ союзамъ, которые стоятъ между частною и государственною жизнью, между отдѣльнымъ лицомъ и государствомъ,—сословія, общины, племена, расы, хозяйственные, религіозные и другіе союзы. Начнемъ съ общины. Она,—говоритъ Трейчке,—охватываетъ всѣ отношенія народной жизни и отличается отъ государства, какъ часть отличается отъ цѣлаго. Надъ общиною есть высшая власть, и если вы представите общину безъ этого, общину независимую, то она сама будетъ государствомъ. Община принимаетъ участіе въ развитіи всѣхъ фазъ государства, и политическое переустройство не полно тамъ, гдѣ этого соотвѣтствія не наблюдается. Всѣ попытки утвердить во Франціи свободный государственный строй были безуспѣшны, потому что французская община оставалась организованною деспотически. Трейчке полагаетъ поэтому, что община, которая, въ тѣсномъ кругу, исполняетъ государственныя цѣли, не можетъ быть предметомъ самостоятельной научной обработки, не можетъ быть предметомъ отдѣльной науки. Она входитъ какъ необходимая часть въ составъ государства. Само собою разумѣется, что то же должно сказать о провинціи, области, земствѣ и т. д.

Доказывая, что и другіе виды общественныхъ союзовъ должны входить въ общее ученіе о государствѣ, Трейчке признаетъ, что отношенія между религіозными соединеніями и государствомъ, гдѣ первыя и второе свободно и сильно развились, суть ирраціональныя отношенія. Церковь преслѣдуетъ высшія, чѣмъ государство, цѣли, облагороживая и подымая человѣка; но она должна однако подчиняться государственному порядку. Въ свою очередь государство должно быть верховнымъ, но на самомъ дѣлѣ не въ состояніи ускользнуть отъ вліянія этой высшей духовной силы. Вѣчное противорѣчіе разрѣшается временными взаимными уступками, компромиссомъ.

Свободные союзы, разнообразныя товарищества, которыми всегда богата жизнь высокообразованнаго народа, также не могутъ быть выдѣлены изъ государственно-народнаго строя вообще. Ясна,—говоритъ Трейчке,—политическая важность вопроса, *какое* государство можетъ допускать свободныя соединенія людей для достиженія духовныхъ (научныхъ, художественныхъ) и хозяйственныхъ цѣлей. Трейчке совершенно основательно возражаетъ Рилю, что было бы большимъ шагомъ назадъ, еслибы партіи раз-

личались другъ отъ друга только экономическою программой, еслибъ охранители и прогрессисты исчезли окончательно, уступивши мѣсто пролетаріямъ и буржуазіи, борьбѣ исключительно между трудомъ и капиталомъ.

Въ этомъ отношеніи Трейчке стоитъ выше многихъ изъ писателей, на труды которыхъ мы ссылались въ этихъ очеркахъ. Юристы склонны преувеличивать значеніе формъ государственной и общественной жизни; экономисты, вниманіе которыхъ захватываетъ грозная борьба рабочихъ классовъ съ буржуазіей, невольно впадаютъ въ односторонность, не придавая борьбѣ идей и развитію учрежденій надлежащаго значенія. Историкъ, наоборотъ, постоянно наблюдаетъ взаимодѣйствіе всѣхъ общественныхъ силъ. Правда, долгое время политическая и военная жизнь государствъ, дипломатическія сношенія и дворцовыя передряги занимали у историковъ главное мѣсто; но знаменательный и рѣшительный переворотъ уже совершился въ этомъ отношеніи.

Основная ошибка Моля,—продолжаетъ Трейчке,—заключается въ узкомъ опредѣленіи государства. Послѣднее — не *организмъ учрежденій, объединяющихъ извѣстное количество людей*, а народъ во внѣшнемъ проявленіи его самобытной жизни. Даже въ идеѣ нельзя выдѣлить государство отъ народа. Одинаково несправедливо принимать вмѣстѣ съ Штейномъ неизмѣнное понятіе государства и колеблющееся понятіе общества или утверждать, вмѣстѣ съ Порталисомъ *), что общество повсюду одинаково, мѣняются же только законы, гарантіи. Столкновенія между государствомъ и обществомъ неизбѣжны. Соціальныя преобразованія отражаются на всемъ государствѣ сильнѣе всего, и штейнъ-гарденберговскія реформы глубже видоизмѣнили Прусскую монархію, чѣмъ іюльская революція Французскую.

Въ небольшомъ сочиненіи Трейчке встрѣчается нѣсколько замѣчаній и выводовъ, съ которыми нельзя согласиться; но его основная мысль о неразрывной связи всѣхъ явленій народной жизни, о невозможности выдѣлить ученіе объ обществѣ въ особую науку, вполнѣ вѣрно. Мы замѣчаемъ въ исторіи то совмѣстную дѣятельность, то борьбу отдѣльныхъ классовъ общества съ государствомъ даннаго времени. Задачи, которыя преслѣдуютъ общество и государство, переплетаются между собою; ихъ распредѣленіе между центральнымъ правительствомъ страны и само-

*) „L'homme et la société", 1850.

управленіемъ подвергается весьма значительнымъ измѣненіямъ. Управленіе то стягивается въ столицу, и приказы изъ нея опредѣляютъ мелочныя подробности обыденной областной жизни; то, наоборотъ, почти исчезаетъ идея цѣлаго, и едва ли не каждая деревня живетъ самостоятельною, что прекрасно, и совершенно изолированною жизнью, что заключаетъ въ себѣ причину глубокаго упадка государства и народа. Кромѣ того, на ряду съ самоуправленіемъ въ тѣсномъ смыслѣ, которое замыкается въ городѣ или сельской общинѣ, на извѣстномъ пространствѣ, возникаетъ, развивается, падаетъ и вновь оживаетъ разнообразный строй общественныхъ союзовъ. То хозяйственныя задачи, то научныя цѣли, религіозно-нравственныя и художественныя стремленія объединяютъ отдѣльныхъ людей, дѣятельность которыхъ можетъ при этомъ распространяться на все государство и даже выходить за его предѣлы. Понятно поэтому, что попытки разрѣшить какой-либо вопросъ управленія безъ соображенія со всѣмъ складомъ общественной жизни свидѣтельствуютъ не объ идеализмѣ писателя, а объ его недоразумѣніи. Въ безобразномъ и громадномъ домѣ дѣйствительно возможно хорошо и уютно устроить комнату, отчего, разумѣется, домъ не перестанетъ быть неудобнымъ и безобразнымъ; достигнуть же правильной постановки какой-либо единицы самоуправленія невозможно, потому что все въ народной жизни дѣйствуетъ единовременно, потому что одинъ вредный факторъ исказитъ самыя лучшія стремленія, если не принять въ разсчетъ его существованія.

IV.

Блунчли справедливо замѣтилъ, что французскіе писатели, въ особенности послѣ сочиненій Руссо, склонны смѣшивать государство съ обществомъ и общество съ народомъ *). И либералы, и консерваторы, и республиканцы, и монархисты крѣпко стояли за централизацію, за однообразное устройство всей страны, съ строгимъ подчиненіемъ частей цѣлому.

Одинъ изъ самыхъ горячихъ и даровитыхъ защитниковъ государственной централизаціи, Дюпонъ-Уайтъ, говоритъ, что го-

*) *Bluntschli:* „Allg. Staatslehre", 1875 г., т. 1, стр. 118. По мнѣнію самого Блунчли, народъ есть юридическое лицо—государство. Общество состоитъ изъ массы частныхъ лицъ; оно—случайное соединеніе многихъ людей. Само собою разумѣется, что государство и общество взаимно другъ друга обусловливаютъ.

сударство должно являться самымъ энергическимъ дѣятелемъ цивилизаціи, и поэтому между *свободою* и *государствомъ* нѣтъ противоположенія. Отымите у человѣка семью—и онъ погибнетъ вскорѣ послѣ рожденія; отымите у человѣка государство—и онъ будетъ рабомъ, ибо люди родятся неравными и въ неизбѣжной борьбѣ между ними пострадаетъ слабѣйшій. Способъ дѣйствія правительственной власти и формы ея различны у разныхъ народовъ; но *количество* этой власти (la quantité de gouvernement) одинаково повсюду. Если вы видите у какого-либо народа бездѣйствіе правительства или слабое развитіе его дѣятельности, то это можетъ означать одно изъ двухъ: или малую жизненность народа, или ничтожное количество его потребностей. Государство есть *органъ общества*, для удовлетворенія общественныхъ интересовъ безопасности и благосостоянія. Съ неизмѣримой высоты своего положенія, по отношенію къ отдѣльной личности, государство находитъ въ себѣ холодное безпристрастіе судьи при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ; сознаніе своей силы позволяетъ ему дѣйствовать исключительно по указаніямъ совѣсти; наконецъ, единство интересовъ, связывающихъ власть и народныя массы, является лучшимъ залогомъ могущества первой и благосостоянія послѣднихъ. Правительству легко быть справедливымъ и благодѣтельнымъ. Оно вѣчно находится въ положеніи великодушнаго умирающаго, которому ничего не стоитъ обогатить одно или нѣсколькихъ лицъ. Власти надо только *захотѣть* приносить добро народу [illegible]).

Въ другомъ своемъ сочиненіи («La centralisation») Дюпонъ-Уайтъ утверждаетъ, что централизація обозначаетъ одновременно *единство правительства и преобладаніе столицы*. Раздробленіе власти, децентрализація ея, ведетъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Таковъ былъ, напримѣръ, феодализмъ, гдѣ индивидуумъ пользовался широкимъ просторомъ. И воспоминаніе объ этомъ времени есть самое отвратительное воспоминаніе. Это—время господства эгоизма, грубаго насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы знаменитый писатель былъ врагомъ личности, не признавалъ за нею способности плодотворнаго почина и вообще великаго значенія. Въ области экономической дѣятельности индивидууму онъ предоставляетъ широкое поле. Въ философіи, наукѣ, искусствѣ—личности откры-

*) *Duponi-White:* „L'individu et l'état".

вается безграничный просторъ. Въ преуспѣвающемъ обществѣ, какъ бы далеко въ другихъ отношеніяхъ ни проникала правительственная власть, одно должно оставаться неприкосновеннымъ, одно составляетъ исключительное право человѣка—*свободное выраженіе мысли*. Затѣмъ Дюпонъ-Уайтъ прямо признаетъ, что прогрессъ въ политическомъ смыслѣ есть дѣло личности. Въ этомъ отношеніи правительство всегда или, по крайней мѣрѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оказывается коснымъ, и улучшенія достигаются лишь благодаря частной иниціативѣ. Когда мы,—говоритъ Дюпонъ-Уайтъ,—призываемъ государство, какъ дѣятеля прогресса, мы особенно цѣнимъ въ немъ силу, способную улучшить человѣка, возбудить его къ дѣятельности, помочь ему достигать полезнаго, добраго, истиннаго и прекраснаго.

Такимъ образомъ Дюпонъ-Уайта ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать врагомъ разумной свободы. Профессоръ Градовскій, возражая этому писателю, справедливо говоритъ (другіе ученые еще раньше высказывали подобное же мнѣніе), что «централизація есть произведеніе національной исторіи Франціи и тѣхъ исключительныхъ условій, которыя, быть-можетъ, неповторимы въ другой странѣ. Дюпонъ-Уайтъ говоритъ, что для самоуправленія нужна особенная раса людей. Принимая подъ словомъ раса столь же физіологическій, сколько и политическій фактъ, мы можемъ сказать, что для осуществленія такой централизаціи, какъ во Франціи, нужны особыя племенныя качества и исключительныя политическія условія. Страна, не испытавшая такихъ коренныхъ преобразованій, національность которой не представляетъ безформенной массы людей, между которыми единственное учрежденіе—государство,—страна, гдѣ общество не породило еще взамѣнъ всякихъ организмовъ одно живое тѣло, столицу,—въ такой странѣ можетъ ли идти рѣчь о централизаціи» *)? Профессоръ Градовскій, въ сочиненіи, изъ котораго приведена выдержка и которое напечатано въ 1868 году, выражалъ удивленіе, какъ это, послѣ стольких испытаній, французскій умъ еще не убѣдился въ безполезности свободы въ Парижѣ, когда ея нѣтъ въ департаментахъ. «Что значитъ,—говорилъ почтенный профессоръ,—народное представительство на верху, когда въ провинціяхъ нѣтъ признака жизни? Что значитъ напряженіе общественнаго мнѣнія, сосредоточеніе умственныхъ силъ, экономическаго оборота въ столицѣ,

*) *Градовскій:* „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи", LXVI—LXVII.

жогда провинція не имѣетъ ни общественнаго мнѣнія, ни журналистики, ни самостоятельной экономической дѣятельности? Вся эта комбинація ведетъ къ результатамъ, предсказаннымъ еще Ламенэ,—къ параличу частей и апоплексіи сердца».

Но, конечно, указанное направленіе мысли могло быть только преобладающимъ, а не исключительнымъ. Нѣкоторые писатели, съ Токвиллемъ во главѣ, уже давно доказываютъ французскому обществу всю гибельность крайней централизаціи, все благодѣтельное значеніе самоуправленія. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: «О демократіи въ Америкѣ»—Токвилль говоритъ объ общинѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: общинный союзъ (la société communale) существуетъ у всѣхъ народовъ, каковы бы ни были ихъ обычаи и законы. Но если община существуетъ столько же времени, какъ и самъ человѣкъ, то общинная свобода является рѣдко и оказывается неустойчивою, хрупкою. Трудность основать прочнымъ образомъ независимость общины не только не уменьшается, а наоборотъ—увеличивается съ развитіемъ просвѣщенія. Отъ проницательности великаго писателя не укрылась невозможность для общинъ, предоставленныхъ собственнымъ силамъ, бороться съ захватами центральной власти. До тѣхъ поръ, пока общинное самоуправленіе не вошло въ нравы народа, пока оно, въ теченіе извѣстнаго времени, не просуществовало по закону,—если дѣло идетъ о введеніи свободы такого рода въ страну, не знавшую дѣйствительнаго самоуправленія,—эту общинную свободу легко уничтожить,—другими словами, ее трудно создать*). На материкѣ Европы,—утверждаетъ Токвилль,—ея не знаетъ ни одинъ народъ. Община развивается въ тиши, въ глубинѣ полуварварскаго общества, и однако въ ней заключается сила свободныхъ народовъ. Безъ общины народъ можетъ дать себѣ свободное правительство, но не будетъ имѣть духа истинной свободы. Общинныя учрежденія значатъ для свободы то же, что начальныя училища значатъ для науки.

Такимъ образомъ и Токвилль, уму и наблюдательности котораго отдаютъ справедливость наиболѣе ожесточенные противники его демократическихъ идей, ясно и рѣшительно указываетъ на глубокую связь между самоуправленіемъ и государствомъ, на то, что формы того и другаго должны находиться въ соотвѣтствіи, опираясь на общія начала. Другой французскій писа-

*) „De la démocratie en Amérique“, quinzième édition, т. I, стр. 95—96.

тель, пользующійся и у насъ громкою извѣстностью, Эдуардъ Лабулэ, давно уже защищаетъ взгляды, сходные съ тѣми, которые съ такимъ блескомъ и силою развивалъ Токвилль.

Общественная свобода (liberté sociale),—говоритъ Лабулэ,—мало свойственна французамъ, у которыхъ въ языкѣ нѣтъ слова, точно передающаго англійскій *self-government*. Между государствомъ и личностью во Франціи нѣтъ ничего, и первое считаетъ себя въ правѣ дѣлать все то, чего не въ состояніи исполнить отдѣльный человѣкъ, предоставленный собственнымъ силамъ. Это—великая ошибка, вслѣдствіе которой свобода до настоящаго времени не упрочилась во Франціи: громадная административная машина не оставляетъ личности никакого права, если не считать правомъ обязательный платежъ податей. Почему собирательное существо, община, не имѣетъ, какъ и личность, своихъ правъ, которыя должны быть уважаемы государствомъ? Италія, Испанія, Франція въ средніе вѣка и Голландія, Швейцарія, Бельгія, Англія, Соединенные Штаты въ новое время представляютъ собою государства дѣйствительно свободныя, съ широкимъ развитіемъ самоуправленія. Французскіе города также въ XII и XIII стол. быстро подымаются и, при покровительствѣ нуждавшейся въ нихъ королевской власти, достигаютъ свободнаго муниципальнаго устройства. Но съ XIV вѣка обстоятельства измѣняются, и окрѣпшая монархическая власть наноситъ ударъ за ударомъ самоуправленію страны. Людовикъ XIV, политическій наслѣдникъ Валуа, имѣетъ печальную честь нанести послѣдній ударъ такого рода. Учредительное собраніе подымаетъ общинную свободу. Законъ 14 декабря 1789 года признаетъ за общиною право на самообложеніе, на самоуправленіе. Наоборотъ, конвентъ конфисковалъ временно эту зарождавшуюся свободу, послѣдніе слѣды которой исчезли при консульствѣ и имперіи *).

Вѣрность этихъ историческихъ замѣчаній знаменитаго писателя мы постараемся впослѣдствіи подтвердить фактами изъ исторіи какъ Франціи, такъ и другихъ странъ. Эти факты послужатъ, думается намъ, неопровержимымъ доказательствомъ неразрывной связи всѣхъ явленій общественной жизни, что нерѣдко забывается и на чемъ мы упорно настаиваемъ.

Лабулэ, какъ либералъ, настаиваетъ на гарантіяхъ общественной и личной свободы. Обезпеченіе для нея онъ видитъ не

*) *E. Laboulaye:* „Le parti libéral, son programme et son avenir". Sixième édition, 1865, стр. 37, 87 и 89.

въ кодексѣ,—ибо кодексъ можетъ быть «la plus volumineuse des plus mauvaises plaisanteries», а въ учрежденіяхъ и нравахъ. Въ странахъ, дѣйствительно свободныхъ, этою свободой пользуются повсюду; она насквозь проникаетъ общество. Общественный порядокъ, конечно, великое слово; но когда порядокъ отдѣляютъ отъ свободы, то онъ является просто синонимомъ насилія, а въ силѣ самой по себѣ не заключается ничего способнаго вызывать уваженіе.

Экономическая программа Лабулэ не вызываетъ такого сочувствія, какое вызываютъ другіе его взгляды. Если равенства передъ закономъ и одинаковаго права на участіе въ самоуправленіи и политической жизни вполнѣ достаточно, несмотря на различія въ способностяхъ людей, въ ихъ характерѣ и образованности; то въ хозяйственной жизни признаніе за рабочимъ, напримѣръ, равныхъ правъ съ фабрикантомъ, предоставленіе мнимосвободному договору опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній, звучитъ насмѣшкой или составляетъ печальное недоразумѣніе. У Лабулэ, впрочемъ, есть слѣдующая прекрасная фраза: «Между эгоизмомъ личности и деспотизмомъ государства (что въ сущности является лишь другою формой эгоизма) *ассоціація* ставитъ знаніе, вѣру, человѣколюбіе,—все то, что сближаетъ людей и побуждаетъ ихъ любить другъ друга. Изъ всѣхъ французскихъ публицистовъ,—говоритъ Лабулэ,—Токвилль лучше всѣхъ сознавалъ, что слабость современныхъ обществъ заключается въ централизаціи, а истинная сила—въ личной свободѣ и въ ассоціаціи» *). Ограничить область дѣятельности государства, кругъ его правъ, необходимо для обезпеченія личности какъ отъ произвола администраціи, такъ и отъ произвола большинства въ представительныхъ собраніяхъ **). Самоуправленіе и свобода совѣсти, слова, печати—составляютъ основное условіе для правильнаго развитія и личности, и государства.

V.

Ошибка европейскаго либерализма, на которую мы указали, подала, какъ извѣстно, поводъ къ небезосновательнымъ нападеніямъ. Но нападенія эти сами заключаютъ въ себѣ довольно значительную долю недоразумѣнія.

---

*) *Laboulaye:* „L'état et ses limites", 3 édition, préface, т. VII.

**) Ibid., стр. 72.

На требованіе полнаго невмѣшательства власти въ экономическія отношенія многіе и до настоящаго времени смотрятъ какъ на основу либерализма вообще, и въ этомъ виноваты прежде всего писатели несомнѣнно либеральнаго образа мыслей. Изъ страха передъ соціализмомъ и коммунизмомъ, изъ опасенія деспотизма государства, ученые и публицисты этого направленія настойчиво и горячо проповѣдуютъ свободу въ хозяйственной жизни, точно также какъ и свободу во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Манчестерская школа экономической политики овладѣла общественнымъ мнѣніемъ Европы и до сихъ поръ вводитъ многихъ въ заблужденіе, выставляя относительно-вѣрные принципы практической дѣятельности государства за непоколебимые законы науки.

Дюнуайе написалъ большое сочиненіе о свободѣ труда или объ условіяхъ, при которыхъ силы человѣка пріобрѣтаютъ наибольшее развитіе. Подъ свободой этотъ писатель разумѣетъ мощь, которую пріобрѣтаетъ человѣкъ, высвобождаясь отъ первоначальныхъ препятствій, его стѣснявшихъ*). Дюнуайе предостерегаетъ читателя отъ иллюзій и утверждаетъ, что нѣтъ такого общественнаго строя, гдѣ каждый могъ бы пользоваться одинаковою свободой, ибо это означало бы, что каждый въ равной мѣрѣ обладаетъ средствами, способностями, просвѣщеніемъ. Господство новыхъ промышленныхъ порядковъ, т. е. практическое осуществленіе принципа невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь народа, ведетъ, по мнѣнію французскаго писателя, къ уничтоженію искуственнаго неравенства и къ развитію естественнаго, неизбѣжнаго и благодѣтельнаго,—говоритъ Дюнуайе. Конечно, при такихъ условіяхъ для массы населенія могутъ наступить тяжелыя времена, и десятки, сотни тысячъ людей, милліоны, пожалуй, погибнутъ медленною смертью отъ истощенія или одичаютъ отъ возрастающаго невѣжества. Но таковъ будтобы неотразимый законъ природы. Существуетъ только одно утѣшеніе: подъ вліяніемъ общаго подъема культуры, благосостояніе массы должно въ нѣкоторой степени также подниматься.

На помощь этой безжалостной теоріи впослѣдствіи стали приводить дарвиновскій законъ борьбы за существованіе. Если справедливо, что книга Мальтуса имѣла вліяніе на Дарвина, то труды

---

*) „Ce que j'appelle *liberté*, dans ce livre c'est ce *pouvoir* que l'homme acquiert d'user de ses forces plus facilement *à mesure qu'il s'affranchit* des obstacles qui en gênaient originairement l'exercice“ („De la liberté du travail“, 1845 г., т. I, стр. 24).

послѣдняго, въ свою очередь, доставили новыя доказательства защитникамъ свободнаго соперничества, и г-жа Клемансъ-Ройе, напримѣръ, написала сочиненіе, съ жаромъ доказывая необходимость гибели слабаго для совершенствованія сильнаго. Знаменитый Гэккель рѣшительно отвергаетъ какую бы то ни было связь между дарвинскою теоріей и соціализмомъ. Онъ приводитъ слова Оскара Шмидта, по мнѣнію котораго соціалисты, еслибъ они отчетливо мыслили, должны бы были возставать противъ этой теоріи, ибо она доказываетъ неосуществимость ихъ идей. Теорія подбора,—восклицаетъ Гэккель,—совсѣмъ не демократическая и всего менѣе соціалистическая: она есть по-истинѣ аристократическая теорія *).

Такихъ союзниковъ и истолкователей нашла себѣ формула «laissez faire». Но обратимся къ исторіи возникновенія этой формулы для того, чтобы возстановить ея истинное значеніе.

Старый порядокъ и политическихъ, и экономическихъ отношеній былъ основанъ на разнообразныхъ льготахъ и монополіяхъ. Правительственная власть вмѣшивалась повсюду, защищая или предписывая каждый шагъ, каждое движеніе человѣка. Во второй половинѣ XVIII столѣтія французское образованное общество уже убѣдилось въ негодности этого строя. Началась борьба противъ привилегій и противъ регламентацій. Физіократы, съ Кенэ во главѣ, противопоставили отжившимъ идеямъ новую теорію.

Прежде всего они потребовали *вмѣшательства государства* для установленія правильныхъ условій общежитія, для уничтоженія монополій, нагроможденныхъ въ средніе вѣка и отчасти усиленныхъ въ послѣдующее время. Требованіе теоріи пытался осуществить министръ-физіократъ Тюрго, издавшій законъ объ уничтоженіи цеховъ, но потерпѣвшій въ этомъ отношеніи полную неудачу.

Затѣмъ,—говорили физіократы,—когда несправедливыя льготы будутъ уничтожены, когда искуственныя препятствія для здоровой экономической жизни будутъ устранены, тогда начнется благодѣтельное дѣйствіе естественныхъ законовъ общежитія. «Laissez aller»,—формула Гурне,—какъ справедливо замѣчаетъ Дюрингъ **), находится въ соотвѣтствіи съ основными взглядами Кенэ, является дополненіемъ къ нимъ, важнымъ, какъ оказалось, по своимъ

---

*) *E. Haeckel:* „Freie Wissenschaft und freie Lehre", стр. 71, 73 и др.

**) „Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus", 2 Auflage, стр. 112.

практическимъ послѣдствіямъ. Предположеніе о томъ, что устраненіе ясно сознаваемыхъ недостатковъ государственнаго и общественнаго строя возстановитъ или создастъ естественное состояніе, т. е. всеобщее благополучіе,—предположеніе, которое составляло тогда сильно распространенное заблужденіе философской мысли, повело, конечно, и къ выводамъ, оказавшимся также ошибочными.

Такимъ образомъ физіократы были далеки отъ того пониманія теоріи невмѣшательства, которымъ отличается послѣдующее время. «Laissez faire, laissez passer» при своемъ появленіи вовсе не было буржуазнымъ девизомъ. Наоборотъ, Штейнъ справедливо называетъ физіократовъ соціалистами XVIII вѣка. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей этой школы, Мерсье-де-ла-Ривьеръ: «Къ чьей выгодѣ происходитъ это громадное увеличеніе цѣнностей? Какъ, тѣ, чьими руками эти цѣнности создаются, не знаютъ достатка? Ахъ, опасайтесь такого противорѣчія!»

Этого мало: Дюпонъ-де-Немуръ, другой писатель-физіократъ, и Тюрго выработали проектъ самоуправленія, которое, по ихъ мнѣнію, должно было бы обновить Францію. «La cause du mal, Sire,—говорилъ Тюрго въ «Мемуарѣ о муниципалитетахъ», представленномъ Людовику XVI, — vient de ce que votre nation n' a point de constitution». Бѣда, по мнѣнію знаменитаго мыслителя и министра, заключалась въ томъ, что французское общество было разъединено, что между его членами не было установлено тѣсной законной связи. Отдѣльное лицо по-неволѣ уходитъ въ свои частные интересы, и сознаніе общественнаго долга, гражданскихъ обязанностей вслѣдствіе этого почти отсутствуютъ у французовъ. Отъ вашего величества,—продолжаетъ Тюрго,—ждутъ особыхъ приказаній, чтобы сдѣлать что-либо для общаго блага, чтобъ уважить права другаго; а иногда этого предписанія дожидаются и для того, чтобы воспользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ. Результатомъ такого порядка вещей выходила полная безурядица. Тюрго предлагаетъ поэтому организовать самоуправленіе, начиная съ низшей его единицы—прихода и кончая національнымъ собраніемъ *).

Горнъ замѣчаетъ, что всѣ труды, всѣ изслѣдованія одного изъ наиболѣе даровитыхъ предшественниковъ физіократовъ, Буа-

*) Ср. *Foncin:* „Essai sur le ministère de Turgot", 1877 г., стр. 552—557.

гильбера, также приводятъ, въ окончательномъ выводѣ, къ требованію невмѣшательства государства въ экономическія отношенія, къ laissez faire, laissez passer *). А извѣстно, какою горячею любовью къ народу проникнуты сочиненія Буагильбера, за которыя ихъ автору пришлось поплатиться ссылкою. Вотъ каковы были дѣйствительные отцы европейскаго либерализма. Ихъ ошибка заключалась въ предположеніи возможности достигнуть естественныхъ, нормальныхъ и вѣчныхъ условій для экономической жизни. Стоило только, полагали они, разрушить искуственное зданіе хищничества и мотовства и предоставить свободу всѣмъ и каждому, чтобы въ результатѣ получилось постоянное и всеобщее благополучіе. Въ этомъ отношеніи физіократы-защитники «laissez faire» высказывали взгляды весьма похожіе на воззрѣнія многихъ изъ соціалистовъ.

Послѣ этой замѣтки о дѣйствительномъ первоначальномъ значеніи формулы, которую написала потомъ на своемъ знамени буржуазія, обратимся къ нѣкоторымъ историческимъ доказательствамъ уже высказанной мысли о неразрывной связи мѣстнаго самоуправленія и государственнаго управленія.

VI.

Къ концу прошлаго вѣка областное самоуправленіе уцѣлѣло во Франціи только въ пяти провинціяхъ и въ нѣсколькихъ незначительныхъ округахъ. Собственно говоря, провинціальная свобода (la liberté provinciale) существовала,—говоритъ Токвилль,—только въ Бретани и Лангедокѣ **). Въ другихъ областяхъ старыя учрежденія потеряли силу и сохранили лишь тѣнь прежняго значенія.

Лангедокъ считалъ къ исходу XVIII столѣтія болѣе двухъ тысячъ общинъ (communautés) и около двухъ милліоновъ жителей. Провинціальное собраніе созывалось въ этой странѣ по особому предписанію короля. Королевское предписаніе ежегодно разсылалось каждому изъ членовъ собранія. Лицо, не получившее оффиціальнаго извѣщенія, лишалось права участвовать въ засѣданіяхъ провинціальнаго собранія, и такимъ путемъ неугодные правительству члены устранялись отъ управленія провинціей.

Королевская власть издавна относилась враждебно къ само-

*) *Horn:* „L'économie politique avant les physiocrates“, стр. 337.

**) „L'ancien régime et la révolution“, septième édition, стр. 314.

управленію во Франціи. Ришельё нанесъ въ этомъ отношеніи рѣшительный ударъ Лангедоку, уничтоживши его провинціальное собраніе. Людовикъ XIII ненавидѣлъ областныя учрежденія и раздражался, какъ только въ его присутствіи произносили ихъ названіе *). Въ малолѣтство Людовика XIV провинціальные штаты Лангедока были возстановлены, и король, считая эти штаты своимъ созданіемъ, сохранилъ ихъ въ теченіе всего продолжительнаго царствованія. Людовикъ XV не созывалъ собраній два года, но затѣмъ возстановилъ старый порядокъ. Лангедоку грозила другая опасность: короли, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ то для войны, то для роскошныхъ построекъ и пировъ, въ числѣ другихъ источниковъ дохода широко пользовались созданіемъ новыхъ должностей **). Среди этихъ безчисленныхъ должностей были и должности по городскому управленію. А члены городскихъ муниципалитетовъ тѣмъ самымъ были и членами провинціальнаго собранія. Понятно, что меръ, консулъ или синдикъ, купившіе это мѣсто у правительства, являлись представителями не населенія, а своихъ собственныхъ интересовъ.

Но, быть-можетъ, королевская власть въ своей борьбѣ съ провинціальными собраніями руководствовалась основательными соображеніями и стремилась къ общему благу? Быть-можетъ, сословное представительство Лангедока тяжко отзывалось на благосостояніи низшихъ слоевъ населенія?

Токвилль приводитъ неотразимыя доказательства противоположнаго.

Если налоги въ Лангедокѣ были велики, то единственно потому, что большая ихъ часть требовалась на малопроизводительные государственные расходы. За то разверстка податей въ этой провинціи во всѣхъ отношеніяхъ была неизмѣримо лучше, чѣмъ въ областяхъ, которыя управлялись королевскими чиновниками: налоги падали на жителей въ соотвѣтствіи съ ихъ дѣйствительнымъ имуществомъ. Представители трехъ сословій—духовенства, дворянства и третьяго сословія, не отдѣлявшаго своихъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ массъ,—обнаруживали самую разумную заботливость о провинціальныхъ путяхъ сообщенія. Къ

*) Токвилль говоритъ по этому поводу: „Нельзя опредѣлить всей энергіи, которую обнаруживаютъ слабодушные въ ненависти къ тому, что заставляетъ ихъ дѣлать какое-либо усиліе. Весь ихъ остатокъ мужества идетъ сюда“ („L'ancien régime“, стр. 323 и 324).

**) Подробности объ этомъ—въ моей книжкѣ: „Государствен. хозяйство во Франціи XVII в.“, стр. 82—86, 110 и 111.

концу столѣтія ежегодныя издержки на общеполезныя сооруженія превышали въ Лангедокѣ два милліона ливровъ. Прорываются новые каналы и улучшаются старые. Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію въ это время, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе въ своемъ путевомъ дневникѣ: Лангедокъ—область съ провинціальнымъ самоуправленіемъ (pays d'États); хорошія дороги, устроенныя безъ принудительной работы (corvée).

Но правительство обезпокоено этими расходами: они могутъ повести къ тому, что провинція не въ состояніи будетъ безнедоимочно платить налоги въ пользу государства. Провинціальное собраніе возражаетъ на это обстоятельною запискою. Оно исполнило уже много работъ и еще большее число ихъ предполагаетъ исполнить въ ближайшемъ будущемъ, если не окажется препятствій со стороны королевской власти. Провинціальное собраніе имѣетъ въ виду улучшить сельскія дороги, которыя столь же важны, какъ и главные пути сообщенія, связывающіе крупные центры производства и торговли, ибо,—замѣчаетъ записка,—если припасовъ нельзя вывезть изъ закромовъ собственника, чтобы доставить ихъ на рынокъ, то что же пользы въ возможности ихъ перевоза въ далекія страны? Всѣ эти и имъ подобныя общеполезныя работы подымаютъ благосостояніе населенія, увеличиваютъ заработную плату и оказываютъ помощь наиболѣе бѣдному люду, потому что онѣ совершаются по зрѣло обдуманному плану, на наличныя деньги, добровольно нанимающимися рабочими.

Королевскій совѣтъ, разсмотрѣвши мемуаръ лангедокскаго собранія *), не могъ не признать его основательности. Выработанный провинціальнымъ собраніемъ планъ и порядокъ общественныхъ работъ былъ даже разосланъ, для соображеній, всѣмъ интендантамъ, что, разумѣется, не сопровождалось никакими благодѣтельными послѣдствіями.

Такимъ образомъ недоброжелательное отношеніе королевской власти къ областному самоуправленію объясняется единственно столкновеніемъ (неизбѣжнымъ) двухъ началъ, двухъ идей. Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ жизни другой провинціи, сохранившей многое изъ своихъ вольностей до самой революціи, изъ жизни Бретани, гдѣ подобнаго рода столкновенія были также обычнымъ явленіемъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Необходимыя

*) Слѣдуетъ замѣтить, что это собраніе рѣшало всѣ дѣла не отдѣльно по сословіямъ, а большинствомъ голосовъ всѣхъ депутатовъ (третье сословіе имѣло столько же представителей, какъ духовенство и дворянство вмѣстѣ).

намъ свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ книги Карнé о провинціальныхъ собраніяхъ Бретани *).

Съ XVI столѣтія эта область соединяется съ французскою монархіей, причемъ торжественно подтверждаются права и свободы древней Арморики. Но черезъ весьма непродолжительное время послѣ соединенія провинціальные штаты Бретани вынуждены протестовать противъ дѣйствій королевской власти. На собраніи 1567 года, въ Ваннѣ, съ особеннымъ удареніемъ говорится о договорѣ соединенія, въ число статей котораго вошло обязательство со стороны французскихъ королей не налагать новыхъ податей безъ согласія провинціальныхъ штатовъ. Послѣдніе, къ ихъ великому сожалѣнію, замѣчаютъ со дня на день усиливающіяся посягательства на права самоуправленія въ Бретани. На слѣдующій годъ провинціальные штаты собираются въ Нантѣ. Король въ своемъ посланіи указываетъ на необходимое и сильное возрастаніе расходовъ; онъ требуетъ, конечно, денегъ съ Бретани. Собраніе соглашается на увеличеніе налоговъ, но обращается къ королю съ рѣшительнымъ протестомъ противъ злоупотребленій администраціи. Въ слѣдующіе годы не произошло ничего замѣчательнаго: короли требуютъ денегъ, и провинціальное собраніе, съ разными оговорками, принуждено давать требуемыя суммы. Но вотъ въ 1574 году Карлъ IX созываетъ бретанскіе штаты для полученія ихъ согласія на новые налоги, чтобы выставить въ поле многочисленную армію. Собраніе перечислило тяжелыя жертвы, уже принесенныя населеніемъ, указало на печальное положеніе послѣдняго и рѣшительно отказало въ требованіи короля. Покуда шли засѣданія собранія, Карлъ IX умеръ. Провинціальные штаты сочли невозможнымъ привѣтствовать восшествіе на престолъ новаго государя отказомъ въ требуемой имъ суммѣ денегъ, и назначаютъ 60.000 ливровъ, сопровождая это постановленіе разнообразными ходатайствами.

Смутное время царствованія Генриха III и начала правленія Генриха IV повели къ усиленію значенія провинціальныхъ штатовъ Бретани. Но второй изъ названныхъ государей, какъ только почувствовалъ, что онъ крѣпко сидитъ на престолѣ, началъ борьбу съ областнымъ самоуправленіемъ. Это самоуправленіе заявило въ эпоху лиги, между прочимъ, слѣдующее требованіе: провинціальное собраніе назначаетъ постоянный комитетъ

*) „Les états de Bretagne et l'administration de cette province jusqu' en 1789, 2 édition, 2 v.

(commission intermédiaire), который въ теченіе года, до созыва новаго собранія, служитъ дѣйствительнымъ посредникомъ между штатами и правительствомъ, принимаетъ живое участіе въ управленіи страной. Въ 1595 году дворянство и третье сословіе требуютъ учрежденія постояннаго финансоваго совѣта, безъ предварительнаго одобренія котораго губернаторъ не долженъ производить никакихъ расходовъ. Само собраніе обсуждало провинціальный бюджетъ съ необыкновенною добросовѣстностью *). Провинціальные штаты съ величайшею энергіей возстаютъ противъ обременительныхъ податей, противъ злоупотребленій администраціи, противъ учрежденія новыхъ должностей съ тою единственною цѣлью, чтобы выручить за нихъ, отъ продажи, побольше денегъ.

Генрихъ IV, вступивши въ Нантъ, измѣнилъ личный составъ городскаго управленія и ополченія (garde civique) въ прямое нарушеніе подтвержденныхъ Генрихомъ II правъ города Нанта. Скоро послѣ того въ Реннѣ собрались провинціальные штаты. Въ королевской декларацiи, имъ сообщенной, было высказано между прочимъ обѣщаніе не налагать новыхъ податей безъ предварительнаго согласія штатовъ, но Генрихъ IV не сдѣлалъ, какъ дѣлали его предшественники, торжественнаго заявленія ненарушимо хранить свободу и льготы Бретани. Это возбудило оживленныя пренія въ собраніи. Представители короля признали притязанія провинціальныхъ штатовъ неправильными, и споръ на этомъ и покончился.

Передъ отъѣздомъ изъ Нанта, король рѣшилъ, что избиратели этого города должны выбирать мера не прямо, какъ было до того времени, а трехъ кандидатовъ, изъ которыхъ выборъ будетъ сдѣланъ королемъ. Немного спустя, Генрихъ IV предлагаетъ избрать въ меры одно весьма непопулярное лицо. Это лицо не получаетъ однако большинства голосовъ, что приводитъ короля въ сильное негодованіе. Генрихъ IV собственною властью назначаетъ де-ла-Бушетьера меромъ города Нанта и такъ оканчиваетъ письмо къ нему: «S'il n'est par eux entièrement satisfait à mes ordres, vous nous en tiendrez avertis afin d'y pourvoir selon le besoin qui en sera, *car tel est notre plaisir*»**). И дѣйствительно, необходимо

*) „Aucune assemblée n'a discuté de nos jours un budget avec une plus rigoureuse sollicitude que ces états de 1595“ (*De Carné*: „Les états de Bretagne“, т. 1, стр. 242).

**) Если жители Нанта не удовлетворятъ вполнѣ моимъ предписаніямъ, то вы увѣдомите объ этомъ, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры, потому что таково наше желаніе.

либо послѣдовательно проведенное самоуправленіе, либо «car tel est notre plaisir.»

Черезъ годъ жители Нанта обратились къ королю съ ходатайствомъ: отдавая похвалу управленію де-ла-Бушетьера, они просили о возстановленіи своего стараго права выбирать мера. Генрихъ IV притворился, что не понялъ ходатайства, и отвѣтилъ, что такъ какъ жители Нанта довольны прежнимъ меромъ, то онъ съ удовольствіемъ соглашается оставить его въ этой должности.

Въ 1600 году провинціальное собраніе засѣдало въ Ваннѣ. Вдругъ получается письмо отъ короля съ требованіемъ выбрать въ должность прокурора-синдика не то лицо, которое уже ее занимало. Это требованіе вызвало бурю, и всѣ три сословія единогласно и рѣшительно отвергнули притязаніе короля. Губернаторъ Бретани, Бриссакъ, не далъ дѣлу дальнѣйшаго хода.

Еще большее волненіе вызвалъ слѣдующій случай: одинъ изъ членовъ собранія былъ арестованъ по частному обвиненію во время сессіи. Это было неслыханнымъ нарушеніемъ привилегіи провинціальныхъ штатовъ, члены которыхъ не могли быть арестованы ни во время засѣданій, ни въ теченіе восемнадцати дней послѣ ихъ закрытія. Собраніе прервало занятія и потребовало освобожденія своего сочлена. Королевскіе коммиссары принуждены были исполнить это требованіе.

Но монархическая власть все болѣе и болѣе усиливалась, что дѣлало сопротивленіе ей со стороны немногихъ самоуправлявшихся областей все болѣе и болѣе труднымъ. Въ теченіе всего царствованія Людовика XIV налоги увеличиваются до непомѣрной тяжести; всякая самостоятельность провинціальныхъ штатовъ преслѣдуется, какъ преступленіе. Разоренный народъ подымаетъ мятежи, которые усмиряются съ безчеловѣчною жестокостью. Тщетно слышатся протесты со стороны провинціальнаго собранія Бретани. Въ малолѣтство Людовика XV эта область снова попыталась возвратить себѣ старыя права, и борьба эта велась въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вплоть до великой революціи, но, конечно, безъ удовлетворительныхъ результатовъ. «Торжество королевской власти во Франціи привело постепенно,—говоритъ профессоръ Лучицкій,—къ полнѣйшему почти уничтоженію мѣстной независимости, мѣстнаго самоуправленія, къ полнѣйшему подавленію мѣстной жизни и правъ отдѣльныхъ

провинцій» *). Не подлежитъ сомнѣнію, что старинное устройство французскихъ областей отличалось большими недостатками, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ признать преобладающую роль, предоставленную дворянству и духовенству. Бывало, что разумныя предложенія правительства встрѣчали противодѣйствіе со стороны провинціальныхъ штатовъ; но безусловно совершенныхъ учрежденій нѣтъ на свѣтѣ, и королевская власть сдѣлала несравненно болѣе крупнѣйшихъ ошибокъ, чѣмъ всѣ областныя собранія, вмѣстѣ взятыя. Защитники централизаціи и механическаго однообразія въ провинціальномъ устройствѣ указываютъ на интриги и подкупы, которые искажали французское самоуправленіе, въ особенности при Людовикѣ XIV **). Но на комъ лежитъ болѣе всего вина въ такомъ плачевномъ состояніи, въ такой деморализаціи французскаго общества въ упомянутую эпоху? Гдѣ было всего болѣе интригъ и подкуповъ? Конечно, при версальскомъ дворѣ. Провинціальное самоуправленіе,—говоритъ великій историкъ,—можетъ просуществовать нѣсколько времени безъ національной свободы, когда это самоуправленіе отличается древностью и сроднилось съ правами, привычками и воспоминаніями населенія, а деспотизмъ, наоборотъ, недавняго происхожденія; но было бы неразумно вѣрить, что можно создать или сохранить въ теченіе продолжительнаго времени мѣстную свободу, когда уничтожена свобода общая («L'ancien régime», стр. 379).

Если мы обратимся отъ исторіи французскаго самоуправленія къ исторіи самоуправленія въ Англіи, то встрѣтимся съ прямо противоположнымъ явленіемъ. Королевская власть въ Великобританіи рано подверглась ограниченію, а потому и самоуправленіе въ этой странѣ достигло высокаго развитія. Безъ великой «хартіи вольностей» нельзя было бы понять мѣстнаго устройства Англіи. Это самоуправленіе естественно замыкается парламентомъ, благодаря которому высокое призваніе монархической власти получаетъ возможность осуществленія и *король въ парламентѣ* (King in Parliament) является внѣшнимъ выраженіемъ того союза государства и общества, безъ котораго немыслима пра-

*) „Провинціальныя собранія во Франціи при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль", Кіевъ 1879 г., стр. 6. Интересныя подробности о провинціальныхъ собраніяхъ, созданныхъ Людовикомъ XVI, находятся въ книгѣ *Hesse*: „L'administration provinciale et communale en France et en Europe, 1785—1870", Amiens, 1870.

**) См., напримѣръ, *Grun*: „Les états provinciaux sous Louis XIV", 2 édition, 1853.

вильная жизнь образованнаго народа [1]). Чувство законности, отсутствіе или слабое развитіе котораго часто оплакиваютъ, немыслимо, когда въ государствѣ дѣйствуютъ принципы: car tel est notre plaisir. Пристрастіе и односторонность, на которыя также нерѣдко жалуются, являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того же порядка вещей. По справедливому замѣчанію Лекки, публичное обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ парламентѣ создаетъ духъ безпристрастія, благодѣтельное вліяніе котораго распространяется на всю духовную жизнь, такъ что это безпристрастіе становится существенною чертой народнаго характера [2]). Англійскій государственный строй—далеко не идеальный, и никто, конечно, изъ дѣйствительно знакомыхъ съ нимъ не станетъ предлагать устройство Великобританіи, какъ совершеннѣйшій образецъ для подражанія, какъ никто не станетъ вообще предлагать слѣпаго подражанія въ чемъ бы то ни было не только иностранцамъ, но и предкамъ. Сами англичане видятъ многіе недостатки въ своемъ парламентѣ [3]).

Максъ Виртъ въ извѣстной книгѣ о возрожденіи Австріи основательно указываетъ на то, что федералистское устройство Габсбургской монархіи, соотвѣтствуя разноплеменному составу населенія этого государства, соотвѣтствуетъ и современнымъ потребностямъ всесторонняго развитія народовъ въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ французская (теперь уже мѣняющаяся) система централизаціи [4]). Жизненные вопросы,—говоритъ нѣмецкій экономистъ,—повсюду и ежедневно усложняются, такъ что услѣдить за ними и разрѣшить ихъ изъ одного центра становится безусловно невозможнымъ. Экономическій принципъ раздѣленія труда долженъ быть перенесенъ и въ область государственной власти съ большею послѣдовательностью, съ большею силой, нежели это было до настоящаго времени. Поэтому-то,—заключаетъ Виртъ,—необходимо самое широкое развитіе самоуправленія. Извѣстный историкъ австрійскаго финансоваго управленія, Адольфъ Бееръ [5]),

---

[1]) Ср. у *Гнейста* („Geschichte und heutige Gestalt der engl. Communalverfassung oder des Selfgovernment", 2 Auflage, t. 2): „Das Selfgovernment als Grundlage der Parlamentsverfassung", 1364—1376).

[2]) *Lecky*: „Sittengeschichte Europas", т. I, стр. 125.

[3]) См., напримѣръ, статью *Ф. Гаррисона*: „The Crisis of Parliamentary Government (*The Nineteenth Century* 1882, january); *Торольда Роджерса*: „The procedure of the House of Commons" (*The Conteporary Review*, 1882, march).

[4]) *Max Wirth*: „Oesterreichs Wiedergeburt aus den Nachwehen der Krisis", 1875 г., стр. 9—10.

[5]) *Adolf Beer*: „Die Finanzen Oesterreichs im XIX. Jahrhundert", Prag 1877.

рисуетъ ярко и отчетливо картину государственнаго хозяйства въ Австріи и ту таинственность, которая окутывала дѣйствительное состояніе финансовъ имперіи, покуда народное представительство не внесло свѣта и отчетности въ эту излюбленную область бюрократическихъ усмотрѣній. Въ бюджетѣ, который сообщался оффиціально, не показывалось дефицита; наоборотъ, здѣсь красовалась болѣе или менѣе значительная сумма излишка доходовъ надъ расходами; но эти цифры были лживы, и государственное хозяйство находилось въ дѣйствительности въ страшномъ разстройствѣ. «Der Absolutismus hatte auf finanziellem Gebiet Bankerott gemacht; in politischer Beziehung lag dies längst offenbar zu Tage» *). Заблужденіе исправить положеніе вещей полумѣрами, различными палліативами, скоро должно было исчезнуть. Многочисленныя коммиссіи, которыя были вызваны къ жизни, ни въ какомъ отношеніи не могли дать удовлетворительнаго выхода. Правительство созываетъ 31 мая 1860 года усиленный рейхсратъ, и этимъ созывомъ кладется прочное начало конституціонному образу правленія въ Австріи. Это государство, составленное изъ разнородныхъ и даже враждебно другъ противъ друга настроенныхъ племенъ, несмотря на тяжкія пораженія 1866 года, продолжаетъ, благодаря упомянутому преобразованію, имѣть весьма важное значеніе въ международныхъ вопросахъ. Прочное обезпеченіе порядка въ современномъ смыслѣ этого слова, т. е. устраненіе административнаго произвола и огражденіе личной неприкосновенности, заставляютъ любить свое отечество и уважать его даже славянскія племена, которыя до послѣдняго времени не пользовались равноправностью съ нѣмцами и мадьярами. Измѣненія въ смыслѣ устраненія господства германскаго и мадьярскаго элемента и, вслѣдствіе того, усиленіе областнаго самоуправленія въ Австріи—происходятъ у насъ передъ глазами.

VII.

И теоретическая мысль, и историческій опытъ указываютъ, слѣдовательно, на благодѣтельное вліяніе представительныхъ учрежденій (само собою разумѣется, что *форма* этихъ учрежденій и *характеръ отношеній* между ними и верховною властью опредѣляются духомъ даннаго историческаго народа) и на невозможность правильнаго единовременнаго существованія двухъ на-

*) *Beer*, стр. 297.

чалъ, одно изъ которыхъ положено въ основу общегосударственнаго управленія, а другое—въ основу мѣстнаго самоуправленія. Эти два начала непремѣнно вступятъ въ борьбу между собою. Крѣпкая центральная власть низведетъ самоуправленіе на степень своего служебнаго органа, превратитъ его въ замаскированную бюрократію.

Для центральной власти возникаютъ при такомъ устройствѣ значительныя выгоды: многія общегосударственныя потребности начинаютъ покрываться мнимымъ самоуправленіемъ, которое является въ глазахъ населенія отвѣтственнымъ за усиленіе налоговъ. Мѣстныя представительныя учрежденія становятся въ дѣйствительности сборщиками податей, финансовыми агентами государства, отстраняющагося отъ непріятной обязанности стоять лицомъ къ лицу съ народомъ. Вся выгода при этомъ на сторонѣ правительства, а вся отвѣтственность на сторонѣ безсильнаго самоуправленія, которое при подобныхъ условіяхъ никогда не пріобрѣтетъ достаточнаго авторитета и сочувствія среди плательщиковъ податей. Понятно, что лица, которыя будутъ занимать должности въ такомъ самоуправленіи, если они не окажутся во всѣхъ отношеніяхъ выдающимися, станутъ послушными орудіями администраціи, такъ какъ ея усмотрѣніемъ въ концѣ концовъ опредѣляется судьба и этихъ лицъ, и самихъ учрежденій *). Наоборотъ, сильное самоуправленіе естественно стремится вверхъ, къ расширенію своего принципа на весь государственный строй. Довольно распространенное противоположное мнѣніе является, въ нашихъ глазахъ, опаснымъ заблужденіемъ,—опаснымъ потому, что вноситъ смуту, раздвоеніе въ общественное сознаніе. Если уже употреблять въ вопросахъ подобнаго рода сравненія, то ростъ государства (т. е. организованнаго народа) можно было бы уподобить росту человѣка, у котораго ноги и руки растутъ не прежде, а вмѣстѣ, въ соотвѣтствіи съ ростомъ головы и остальнаго тѣла.

По взгляду, который распространенъ еще болѣе упомянутаго нами заблужденія, представительныя учрежденія служатъ «прежде всего интересамъ капиталистовъ» **). Въ новѣйшее время неосмысленная или лицемѣрная ненависть противъ этихъ учрежденій доводитъ нѣкоторыхъ до исторической клеветы. Намъ пришлось,

---

*) То же самое слѣдуетъ сказать и о независимости суда, немыслимой безъ отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной.

**) *Г. Блокъ*: „Государственная власть въ европейскомъ обществѣ“, 1880 г., стр. 11.

напримѣръ, прочесть, что великобританскій парламентъ назывался пошлою говорильней. Но каждый добросовѣстный и образованный человѣкъ, защитникъ ли онъ неограниченной монархической власти, или крайній республиканецъ-федералистъ, всегда признаетъ великія заслуги этого могучаго учрежденія. Именно здѣсь слово человѣка не можетъ быть обвинено,—говоритъ Монталамберъ,—въ безплодности и безсиліи. Дебаты британскаго парламента повели къ уничтоженію торговли неграми, къ торжеству свободы совѣсти и мысли, къ прекращенію злоупотребленій всевозможнаго рода, которыя составляли принадлежность и англійской администраціи, какъ только она ускользала отъ парламентскаго контроля. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести по этому поводу слѣдующія слова названнаго выше французскаго писателя: «Je ferais, je l'avoue, peu de cas de coeur et du jugement de l'homme qui approcherait sans émotion de ce palais du Parlement anglais, de ce temple de l'histoire et de la loi, de l'éloquence et de la liberté. On ne doit fouler ce sol qu'avec respect: il est plus sacré mille fois que celui du Pnyx d'athènes ou du Forum romain, car il est depuis mille ans le sanctuaire politique et législatif d'un peuple chrétien et le berceau des libertés du monde moderne» *)

Помимо представительныхъ учрежденій бываютъ еще двѣ формы государственнаго устройства: непосредственное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ управленія народомъ, вѣчемъ, и бюрократическій способъ управленія. Что касается до первой формы, то въ большихъ государствахъ новаго міра она неосуществима. Все здоровое и основательное въ такомъ принципѣ осуществляется при широкоразвитомъ самоуправленіи. Для сложныхъ и общегосударственныхъ дѣлъ такая система непримѣнима, и плебисциты даже въ столь маленькомъ государствѣ, какъ Швейцарія, которая кромѣ того прибѣгаетъ къ нимъ въ исключительно-важныхъ случаяхъ, рѣдко сопровождаются вполнѣ удовлетворительными результатами. Говорить о негодности бюрократическаго строя государственной

*) Признаюсь, я былъ бы дурного мнѣнія о сердцѣ и способности сужденія человѣка, который безъ волненія приблизился бы къ дворцу англійскаго парламента, этого храма исторіи и закона, краснорѣчія и свободы. По этой почвѣ надо ходить съ уваженіемъ: она въ тысячу разъ священнѣе почвы аѳинскаго Пникса или римскаго Форума, ибо тысячу лѣтъ служитъ политическимъ и законодательнымъ святилищемъ христіанскаго народа и колыбелью свободы современнаго міра (*Montalembert*: „De l'avenir politique de l'Angleterre", 5 édition, стр. 137.

жизни излишне, потому что эта негодность очевидна. Только съ устраненіемъ бюрократическихъ путъ, которыя связываютъ живое движеніе народа, монархическая власть получаетъ возможность осуществить свое высокое призваніе, т. е. явиться носительницею справедливости, покровительницею обездоленныхъ въ исторической борьбѣ слоевъ населенія. *Veto* монарха всегда остановитъ каждую мѣру, подсказанную узкимъ сословнымъ или личнымъ интересомъ, а высокій законодательный починъ государя такой страны никогда не дозволитъ задремать общественному разуму и совѣсти. Когда указываютъ на опасности, грозящія будто бы народнымъ массамъ отъ введенія представительной формы правленія, то, по странному недосмотру, всегда упускаютъ изъ виду только-что приведенное соображеніе, которое составляетъ однако, какъ мы видѣли, основное положеніе защитниковъ конституціонной монархіи. Дѣйствительно, дѣло-идетъ о томъ, чтобы государь управлялъ народомъ не бюрократически, а съ помощью представительныхъ учрежденій въ центрѣ и черезъ посредство органовъ самоуправленія въ вопросахъ мѣстнаго характера. Государство новаго времени не имѣетъ ничего общаго ни съ монастыремъ, ни съ казармой: оно есть произведеніе общечеловѣческаго развитія и народнаго духа, художественное произведеніе, въ которомъ мысль должна соотвѣтствовать формѣ. Если въ общественной жизни приводятся параллельно двѣ идеи, не объединенныя одною высшею, то разладъ будетъ чувствоваться постоянно и неизбѣжно поведетъ къ разложенію общества или побѣдѣ одной изъ борящихся идей. Наилучшій выходъ, высшее примиреніе различныхъ и даже противоположныхъ интересовъ, которые живутъ и отстаиваютъ свое существованіе въ обществѣ, значительная группа писателей видитъ, какъ извѣстно, въ *правовомъ порядкѣ*. Мы знаемъ, какъ въ вопросахъ подобной сложности и важности легко впасть въ ошибку, и это научило насъ съ вниманіемъ относиться ко всякому добросовѣстному возраженію, хотя такихъ возраженій и очень мало слышится. Но покуда мы убѣждены въ истинности своего взгляда, до тѣхъ поръ не говорить въ его защиту было бы преступленіемъ.

«Надъ вольной мыслью Богу неугодно
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!»

Викторъ Гольцевъ.

2007099602